

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Издается с 2011 г. Выходит 4 раза в год. Рег. ПИ № ФС77-38716 от 22 января 2010 г.
Учредитель: Издательская группа «Юрист»

№ 1 / 2019

Журнал издается при участии кафедры гражданского общества МГИМО — Университета

Главный редактор

Гриб Владислав Валерьевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университета, Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист»

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, председатель редакционного совета, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университета, Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист» (главный редактор)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (заместитель главного редактора)

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Брэдли Джозеф, доктор истории, профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Галас Марина Леонидовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник

Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.э.н., профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Бекман Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент криминологии и социологии права, представитель Российского института стратегических исследований в странах Северной Европы (Финляндия)

Тодд Лефко, доктор истории, профессор Университета Миннесоты, политик, бизнесмен (США)

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мезанне Матье, доктор права, профессор, заместитель декана факультета «Право и экономика»

Государственного университета Реюньона (Франция)

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор

Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нижник Надежда Степановна, д.ю.н., профессор,

профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Панарин Андрей Александрович, д.э.н., Президент Некоммерческого партнерства

«Образовательный консорциум «Среднерусский университет»

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сигапов Константин Елизарович, д.ю.н., доцент, директор Центра правового регулирования

финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Смит Дэвид Хортон, профессор социологии Бостон Колледжа (США), почетный гостевой

профессор социологии университета Восточной Англии, почетный гостевой профессор НИУ ВШЭ

и Университета Цинхуа (Китай)

Соловьев Кирилл Андреевич, д.и.н., доцент

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

«Объединенный каталог. Пресса России» — 91889.

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. 6. Печать офсетная.

Общий тираж: 1000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Номер подписан в печать: 06.02.2019.

Номер вышел в свет: 06.03.2019.

Принципы и функции гражданского общества

Кирьянов А.Ю. Общественный и гражданский контроль: правовое разграничение понятий..... 3

Илюхина В.А. Принцип законности как основа гражданского общества (на примере законодательства России и Армении) 7

Афанасьева М.П. Равенство и равноправие как конституционно-правовые категории 11

Права человека и механизмы их защиты

Тхабасимова Л.А., Рябова Т.В. Конституционно-правовой механизм защиты прав граждан Российской Федерации на современном этапе 15

Ульбашев А.Х. Семейно-правовая феминистика в России и за рубежом (к юбилею Р.Б. Гинзбург) 20

Снурницына А.В. Социально-экономические права и свободы человека и гражданина в истории конституционного развития России 24

Гражданское общество и НКО в компаративистских исследованиях

Рожнева С.С. Роль негосударственных коммерческих организаций в реализации образовательной политики в Республике Карелия 28

Кобец П.Н. Опыт полиции Республики Польша по взаимодействию с гражданским обществом в сфере охраны правопорядка и поддержания безопасности 32

Исторический опыт общественных инициатив и волонтерства

Казакова-Апкаримова Е.Ю. Общественные инициативы и эволюция институтов трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX вв.: ответ на социальные вызовы современности ... 36

Галас М.Л. Институционализация волонтерского движения в России как инструмента «мягкой силы»: историко-правовой дискурс 43

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND ABROAD

Published quarterly since 2011. Reg. PI № FC77-38716 of January 22, 2010. Founder: Publishing Group «JURIST»

No. 1 / 2019

Published with the participation of the Chair of Civil Society
of MGIMO — University

Editor in Chief

Grib Vladislav Valer'evich, head of the Chair of Civil Society of MGIMO-University, Chairman of the Commission of the RF Civic Chamber on public control and interaction with public councils, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Jurist Publishing Group, doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editor in Chief

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Members of the Editorial Board

Grib Vladislav Valer'evich, chairman of the Editorial Board, head of the Chair of Civil Society of MGIMO-University, Chairman of the Commission of the RF Civic Chamber on public control and interaction with public councils, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Jurist Publishing Group, doctor of juridical sciences, professor (*Editor in Chief*)

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor (*Deputy Editor in Chief*)

Avtonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of Institute of State and Law RAS, doctor of juridical sciences, professor

Bradley Joseph, doctor of history, professor of history of the University of Tulsa (Oklahoma, USA)

Galas Marina Leonidovna, doctor of historical sciences, associate professor, Chief Researcher Institute of Problems of effective state and civil society Financial University under the Government of the Russian Federation

Demichev Aleksey Andreevich, professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Diskin Iosif Evgen'evich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of economic sciences

Bekman Johan, doctor of political Sciences, associate Professor of criminology and sociology of law, the representative of the Russian Institute for strategic studies in Northern Europe (Finland)

Todd Lefko, doctor of history, professor at the University of Minnesota, politician, businessman (USA)

Malakhov Valerij Petrovich, head of the Chair of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Medushevskij Andrej Nikolaevich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of philosophical sciences, professor

Mezenev Mathieu, Deputy Dean of the faculty of "Law and Economics" State University of Reunion, doctor of law, professor (France)

Mersyanova Irina Vladimirovna, director of the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University "Higher School of Economics", candidate of sociological sciences, assistant professor

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, professor of Department of theory of state and law Saint-Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Panarin Andrey Aleksandrovich, doctor of economic sciences, President of the Nonprofit partnership «Educational consortium "Mid-Russian University"»

Popov Evgenij Vasil'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society of MGIMO-UNIVERSITY)

Salomatin Aleksey Yur'evich, professor of Penza University, doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Safonov Aleksandr Aleksandrovich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, professor

Sigalov Konstantine Elizarovich, doctor of juridical sciences, associate Professor, Director of the Center of legal regulation of economic and financial relations of the Institute of effective state and civil society, the Financial University under the Government of the Russian Federation

David Horton Smith, Emeritus Professor of sociology, Boston College (USA), honorary guest Professor of sociology at the University of East England, honorary guest Professor at HSE and the University of Tsinghua (China)

Solov'ev Kirill Andreevich, doctor of historical sciences, associate professor

Shablinskij Il'ya Georgievich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, professor

Shul'ga Ruslan Yur'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Editorial subscription centre: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office Address:

Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel./fax: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription:

Unified Catalogue. Russian Press — 91889 (half year)

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Size: 60x90/8.

Printer's sheet 6. Offset printing.

Circulation: 1000 copies.

Free market price.

ISSN 2221-3287

Passed for printing: 06.02.2019.

issue was published: 06.03.2019.

Principles and functions of the civil society

Kiryayov A.Yu. Public and Civil Control:
Legal Demarcation of Concepts..... 3

Ilyukhina V.A. The Principle of Legality
as a Basis of the Civil Society (on the Example
of Russian and Armenian Laws)..... 7

Afanasyeva M.P. Equality and Equality of Rights
as Constitutional Law Categories 11

Human rights and mechanisms of their protection

Tkhabasimova L.A., Ryabova T.V.
The Constitutional Law Mechanism
of Protection of Civil Rights
in the Russian Federation on the Modern Stage 15

Ulbashv A.Kh. Family Law Feminism in Russia
and Abroad (to an R.B. Ginsburg's Anniversary) ... 20

Snurnitsyna A.V. Socioeconomic Human
and Civil Rights and Freedoms in the History
of Constitutional Development of Russia 24

The civil society and non-profit organizations in comparative research

Rozhneva S.S. The Role of Private Commercial
Organizations in Implementation
of the Educational Policy in the Republic
of Karelia 28

Kobets P.N. Experience of Police of the Republic
of Poland in Interaction with the Civil Society in
Protection of Law and Order
and Security Maintenance 32

Historical experience of public initiatives and voluntary work

Kazakova-Apkarimova E.Yu. Public Initiatives
and Evolution of Labor Assistance Institutions
in Ural Cities from the Late XIX to the Early XX
Century: A Response to Social Challenges
of the Modern Times 36

Galas M.L. Institutionalization of the Volunteer
Movement in Russia as a Soft Power Tool:
Historical and Legal Discourse 43

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publication
of basic results of candidate and doctoral theses.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors
of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law.
The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ: ПРАВОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

*Кириянов Артем Юрьевич,
председатель Российского союза налогоплательщиков,
член-корреспондент Российской академии естественных наук,
член Общественной палаты Российской Федерации,
кандидат юридических наук
akiryunov@mail.ru*

В представленной статье автором предлагается авторское видение правового разграничения таких понятий, как «общественный контроль» и «гражданский контроль». В статье анализируются нормативный и доктринальный подходы к разграничению указанных видов контроля. Автором обосновывается позиция, согласно которой общественный и гражданский контроль являются двумя различными видами негосударственного контроля.

Ключевые слова: негосударственный контроль, общественный контроль, гражданский контроль, гражданин, общественные организации, гражданское общество.

Public and Civil Control: Legal Demarcation of Concepts

*Kiryunov Artem Yu.
Chairman of the Russian Taxpayer Union
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Member of the Public Chamber of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

In the presented article, the author offers the author's vision of the legal distinction between such concepts as "public control" and "civil control". The article analyzes the regulatory and doctrinal approaches to the distinction between these types of non-state control.

Keywords: non-state control, public control, civil control, citizen, public organizations, civil society.

С принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 212) в системе действующего правового регулирования появилось легальное определение термина «общественный контроль» (ст. 4). Вместе с тем следует отметить, что сам термин существовал в российском законодательстве достаточно длительное время.

Как правило термин «общественный контроль» включался во многие законодательные акты отдельной статьей и подразумевал контроль общественных объединений: за выполнением норм, правил и нормативов в области обеспечения радиационной безопасности (ст. 12 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности»²), за охраной атмосферного воздуха (ст. 26 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»), за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания (ст. 1 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»³). В некоторых федеральных законах к субъектам общественного контроля добавлялись не только общественные объединения, но и граждане, например, в таких законах, как: Федеральный

закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴ (ст. 68), Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (п. 1 ст. 102)⁵, Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (п. 1 ст. 21). Как правило, положение об участии граждан в указанных законах (см. приведенные статьи) закреплялось как: «а также граждане вправе...».

Как видно из приведенных примеров, термин «общественный контроль» длительное время имел неопределенную правовую формулировку и использовался как некий собирательный образ реализации негосударственных контрольных полномочий общественными объединениями и гражданами. При этом правовая детализация подобного общественного контроля в каждом из приведенных отраслевых законов длительное время никак не давалась. Например, детализация некоторых положений ст. 68 Федерального закона «Об охране окружающей среды», принятом в 2002 г., появилась только в подзаконных актах, принятых в 2017 г. (см. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.09.2017 № 1082 «О федеральной государственной информационной системе общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования»⁶,

¹ СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

² СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

³ СЗ РФ. 2008. №24. Ст. 2789.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁵ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁶ СЗ РФ. 2017. № 38. Ст. 5620.

Приказ Минприроды России от 12.07.2017 № 403 «Об утверждении порядка организации деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды»⁷). Таким образом, принятие Федерального закона № 212 должно было привнести ясность в правовое содержание рассматриваемого термина.

Термин «гражданский контроль» и его правовое определение в российском законодательстве отсутствуют. При этом в некоторых правовых документах он все-таки используется. В частности, в Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976)⁸ он встречается в подп. «у» п. 39 и касается «деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обороны», упоминается в некоторых документах Ростехнадзора⁹, подзаконных нормативных актах субъектов Российской Федерации (например: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 15.10.2012 № 1108 «О внедрении принципов и механизмов открытого правительства в деятельность исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга»¹⁰). Все подобные упоминания термина «гражданский контроль» нельзя рассматривать как нормативные положения, скорее, это попутное использование общепринятого термина, не имеющего нормативно-правового содержания.

Таким образом, в российской правовой действительности присутствует правовой диссонанс, возникающий между обозначенными терминами. При этом, с одной стороны, представляется, что термин «общественный контроль» получил определенное правовое закрепление, а вот термин «гражданский контроль» остался во многом термином-спутником общественного контроля. В некоторых случаях обозначенные термины используются как идентичные, в том числе и в доктрине, многими исследователями отождествляются. Обратимся к доктринальному анализу исследуемых терминов.

В.В. Гриб в одном из своих исследований отмечает, что общественный контроль над государством является ключевой функцией гражданского общества и указывает, что «применительно к демократической системе общественный контроль предстает как единство государственного контроля и контроля гражданского общества (гражданской контроль)»¹¹.

По мнению автора, гражданский контроль реализуется в неинституциональной форме как функция элементов гражданского общества (политических партий, общественных организаций, СМИ, обращений граждан). Представленная позиция демонстрирует отождествление гражданского и общественного контроля, при этом автором приводится тезис о том, что общественный контроль не обладает властно-правовым характером, осуществляется двумя субъектами — обществом и гражданами и в целом не является обязательным¹².

В рамках анализа государственного управления и его усовершенствования общественный контроль исследуется как один из основных элементов противодействия коррупции и мер по профилактике коррупции, эффективность общественного контроля в таком направлении рассматривается как возможное улучшение качества российской нормативно-правовой базы¹³. В данном фокусе реализуется и легальная фиксация категории «общественный контроль» в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Здесь следует указать и на публичную природу общественного контроля. Так, по мнению Е.С. Шугриной, анализ статей указанного закона позволяет сделать вывод о том, что в контексте публичности данный вид контроля связан с наличием делегированных публичных полномочий и их общественно значимой составляющей¹⁴. Следует констатировать использование различных подходов к измерению общественного контроля в конституционно-правовом контексте с позиций публичности и реализации контрольной функции общества.

В актуальных конституционно-правовых исследованиях вопросу общественного контроля уделяется немало внимания, особенно в это направление правовой дискурс сместился после принятия приведенного Федерального закона № 212. Особенностью данного дискурса стало обсуждение различных векторов совершенствования закона и направлений дополнительного регулирования вопросов общественного контроля, конкретизации самого понятия.

К числу подобных исследований следует отнести исследование Е.А. Огневой, рассмотревшей общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина. В данном исследовании приводится понятие общественного контроля как

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁸ Российская газета. 2014. 30 декабря.

⁹ Публичная декларация целей и задач Ростехнадзора на 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс»; План деятельности Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору на 2016–2021 гг. (утв. Ростехнадзором 23.05.2016 № ПЧ-4) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>

¹¹ Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. М. : Юрист, 2011. С. 136.

¹² Там же. С. 138.

¹³ См. например: Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31; О полномочиях и общественном контроле в системе местного самоуправления : кол. монография. М. : Печатай-просто, 2016. 144 с.

¹⁴ См.: Шугрина Е.С. Возможные направления повышения эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 19–24 // СПС «КонсультантПлюс».

механизма наблюдения за институтами гражданского общества, соблюдением законодательства субъектами публично-правовых отношений, основной целью которого признается обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина¹⁵. Заслуживает внимания и подход автора к разграничению таких характеристик контроля, как «общественный», «гражданский», «народный» на основании субъектного подхода¹⁶.

Другие исследования общественного контроля демонстрируют определенную отраслевую направленность, общественный контроль исследуется в рамках анализа применения контроля в государственном секторе, соблюдения законодательства в сфере местного самоуправления, в сфере государственных и муниципальных закупок, в сфере образования и так далее¹⁷. Несмотря на то, что в обозначенных исследованиях анализируются различные стороны общественного контроля, к сожалению, на наш взгляд, в них не находится места для обозначения общественного контроля в рамках концепции негосударственного контроля в целом. Общественный контроль как вид негосударственного контроля в конституционно-правовом контексте не рассматривается. Терминологическое отождествление общественного контроля с иными видами негосударственного контроля способствует невозможности надлежащего конституционно-правового измерения как самого общественного контроля, так и негосударственного контроля в целом. Нельзя согласиться и с тем, что, получив легальное определение общественного контроля, разрешается задача правовой институционализации общественного контроля и его правового содержания особенно в том значении, в котором это определение действует в рамках сегодняшнего нормативного регулирования.

Из проанализированных источников видно, что в большинстве случаев понятие общественного контроля доминирует в правовых исследованиях, а понятие гражданского контроля, как правило, либо не рассматривается, либо поглощается обозначенным видом контроля. На наш взгляд, важным представляется разграничение указанных понятий. Полагаем, что гражданский контроль как вид

негосударственного контроля представляет собой форму реализации конкретными индивидами собственных конституционных прав, отграничить его от общественного контроля необходимо в силу особенностей его реализации, а именно через реализацию конкретным гражданином (или) индивидуумом.

Сопоставление и смешение общественного контроля с гражданским контролем не дает возможности определить индивида как субъекта контрольного процесса, нивелирует сущность реализации его конституционных прав (в том числе и на управление, воздействие на государство). Рассматривая гражданский контроль как общественный, мы убираем индивидуалистический аспект, сводим позицию и возможности одного индивида к позиции и возможностям всего общества (хотя именно конкретный человек, его права и обязанности являются высшей ценностью, ст. 2 Конституции Российской Федерации). Если обратиться к действующему российскому законодательству, то можно убедиться в том, что именно гражданский контроль (не в значении термина, а в значении правового урегулирования механизмов) и его механизмы во многом урегулированы, дают возможности каждому конкретному индивиду воздействовать на государство и контролировать его. Фундаментальными здесь являются Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁸ и принятый относительно недавно Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации¹⁹.

Рассматривая отличия общественного контроля от государственного контроля, следует обратиться и к специальным принципам, которые отличаются у рассматриваемых видов негосударственного контроля. Важным здесь представляется выделить гражданский контроль²⁰ и его специальные принципы, так как этот вид негосударственного контроля основывается на принципах гражданственности (гражданской сознательности) и индивидуализма и, как правило, комплексно в нормативном разрезе не рассматривается, в отличие от общественного контроля. Специальные

¹⁵ Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.

¹⁶ Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Огнева. М., 2015. С. 37–41.

¹⁷ См. например: Токарев Е.А. Госзакупки. Анализ проблем по результатам общественного контроля. // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы IV Международной конференции (10 июня 2016 г., МГУ им. М.В. Ломоносова). М. : Юстицинформ, 2016. 320 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, А.В. Сороко и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Изд-во ИЗИСП при Правительстве РФ; ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. 160 с.

¹⁸ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹⁹ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

²⁰ Достаточно полным и интересным является определение гражданского контроля, предложенного Ю.А. Дмитриевым и Е.В. Шленевой: гражданским контролем следует считать различные формы и виды гражданской активности, основанные на реализации конституционных прав на свободу мысли и слова, свободу массовой информации, объединение, права на информацию, права собираться мирно, проводить собрания и митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, права на личные и коллективные обращения в органы государственной и муниципальной власти (в том числе гражданской правотворческой инициативы и др.). Гражданский контроль организуют и проводят как рядовые активисты, так и члены общественных организаций, политических партий, движений, других институтов гражданского общества. См.: Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Современное состояние общественного контроля в Российской Федерации. М. : Типография ИП Никитин Ю.А., 2015. 265 с.

принципы гражданского контроля подразумевают их закрепление в различных правовых актах. Например, базовым законом для гражданского контроля является Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²¹, наиболее важными специальными принципами будут являться: принцип добровольности (п. 2 ст. 2), принцип обязательности рассмотрения обращения гражданина (ст. 9), принцип безопасности (ст. 6), принцип универсальности обращения гражданина (опосредованно заложен в п. 2 ст. 2). В иных федеральных законах²² и подзаконных правовых актах²³ также получают развитие указанные принципы.

²¹ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

²² См. например: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

²³ См. например: Постановление Правительства Российской Федерации от 16 августа 2012 г. № 840 (ред. от 25.10.2017) «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, а также государственных корпораций, которые в соответствии с федеральным законом наделены полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, и их должностных лиц» // СЗ РФ. 2012. № 35. Ст. 4829; Приказ Генпрокура-

туры России от 30 января 2013 г. № 45 (ред. от 07.03.2018) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 4; Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (ред. от 01.12.2016) «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 17 января.

туры России от 30 января 2013 г. № 45 (ред. от 07.03.2018) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 4; Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (ред. от 01.12.2016) «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 17 января.

Литература

1. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты / В.В. Гриб. М. : Юрист, 2011. 402 с.
2. Дмитриев Ю.А. Современное состояние общественного контроля в Российской Федерации / Ю.А. Дмитриев, Е.В. Шленева. М. : Типография ИП Никитин Ю.А., 2015. 265 с.
3. Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Огнева. М., 2015. 31 с.
4. Огнева Е.А. Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Огнева. М., 2015. 232 с.
5. Токарев Е.А. Госзакупки. Анализ проблем по результатам общественного контроля / Е.А. Токарев // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы IV Международной конференции (МГУ, 10 июня 2016 г.) : сб. науч. ст. М. : Юстицинформ, 2016. 320 с.
6. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией : научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, О.А. Иванов, А.В. Сороко [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 2013. 160 с.
7. Шерстобоев О.Н. Общественный контроль в системе государственного управления / О.Н. Шерстобоев // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 28–31.
8. Шугрина Е.С. Возможные направления повышения эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации / Е.С. Шугрина // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 19–24.

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И АРМЕНИИ)

*Илюхина Вера Александровна,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
eva3011@bk.ru*

В статье проводится компаративистский анализ принципа законности в законодательстве России и Армении. Исходя из позитивистского подхода к пониманию принципов права автор приходит к выводу, что принцип законности является не доктринальным, межотраслевым принципом как российского, так и армянского права. Нормативное закрепление принципа законности имеет место в ряде отраслей именно публичного права, где государство занимает доминирующее положение по отношению к личности. Принцип законности в данном случае является одной из основ, на которых стоит правовое государство и гражданское общество, выступает гарантом прав и свобод личности.

Ключевые слова: гражданское общество, принципы права, принцип законности, сравнительное правоведение.

The Principle of Legality as a Basis of the Civil Society (on the Example of Russian and Armenian Laws)

*Ilyukhina Vera A.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

The article provides a comparative analysis of the principle of legality in the legislation of Russia and Armenia. Based on the positivist approach to understanding the principles of law, the author concludes that the principle of legality is not a doctrinal, cross-sectoral principle of both Russian and Armenian law. Normative consolidation of the principle of legality takes place in a number of branches of public law, where the state occupies a dominant position in relation to the individual, the principle of legality in this case is one of the foundations on which the rule of law and civil society, acts as a guarantor of the rights and freedoms of the individual.

Keywords: civil society, principles of law, principle of legality, comparative law.

Гражданское общество в общих чертах представляет собой «совокупность сфер жизни отдельных индивидов и их групп, напрямую неподконтрольных государству, в которых они свободно реализуют свои частные интересы»¹. Однако, находясь в диалектическом единстве с государством, оно существует в рамках, заданных нормами права. При этом в нормативном регулировании важную роль играют принципы права.

Мы разделяем позитивистский подход к восприятию принципов права и полагаем, что таковыми являются только нормативно закрепленные положения, в которых содержатся основополагающие базовые идеи, руководящие начала, лежащие в основе правового регулирования в целом или отдельной отрасли права². Исходя из данного подхода можно утверждать, что принципы права, в том числе и принцип законности, закрепляются в отраслевых кодексах и

иных нормативных актах. Причем речь идет не о любых положениях, содержащихся в текстах нормативных правовых актов, а только об основных, базовых, которые рассматриваются законодателем в качестве таковых. Маркером соответствующего восприятия является, по нашему мнению, закрепление основополагающих идей в структурном элементе нормативного акта (раздел, глава, статья), имеющего в названии слово «принципы», либо (менее предпочтительные варианты) — словосочетания «основные начала», «основные положения».

В данной работе с указанных позиций на основе изучения ряда кодексов Российской Федерации и Республики Армения мы проанализируем принцип законности. Внимание именно к принципу законности обуславливается тем, что он является одним из наиболее важных и в качестве идеи лежит в основе всех отраслей права. Следует отметить, что принципу законности посвящено огромное количество работ как в целом, так и в отраслевом измерении. Историография проблемы насчитывает сотни, если не тысячи наименований. По этой причине в рамках данного исследования этот вопрос мы не рассматриваем.

Если свести все воедино, то получается, что принцип законности воспринимается в качестве

¹ Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 23.

² Подробнее см.: Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13; Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48.

некоего доктринального основополагающего принципа, пронизывающего все законодательство. Но из-за отсутствия четкого конституционного закрепления и различных подходов к его выражению в отраслевом законодательстве отсутствует единство в его определении и понимании. Такая ситуация привела некоторых авторов к выводу, что «принцип законности является доктринальным принципом российского права. Учитывая основополагающую роль законности, можно утверждать, что законность — это именно доктринальный принцип, принцип доктринально-характера»³.

При анализе Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. и Конституции Республики Армения от 5 июля 1995 г. возникает проблема, связанная с техникой их составления. В этих документах статьи не имеют названий, а названия имеют лишь главы. Соответственно, появляются определенные трудности как с идентификацией отдельных конституционных положений, как в качестве принципов права, так и с их названием и содержанием. Это в полной мере касается и принципа законности.

Помочь в этой ситуации может изучение отраслевого законодательства. В ряде российских и армянских кодексов имеются статьи с названием «Принцип законности», «Законность». Уже сам этот факт свидетельствует, что принцип законности является не доктринальным, а как минимум межотраслевым принципом, закрепленным в нормативных актах, лежащих в основе правового регулирования различных отраслей права.

Анализ отраслевых российских и армянских кодексов привел нас к несколько неожиданным выводам.

Во-первых, понятия «законность» или «принцип законности» встречаются далеко не во всех кодексах. Точнее, они используются в их небольшом количестве. Так, в Российской Федерации указанные названия встречаются в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (далее — УК РФ), Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации от 8 января 1997 г. (далее — УИК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (далее — УПК РФ), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (далее — КоАП РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24 июля 2002 г. (далее — АПК РФ), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. (далее — КАС РФ).

В Армении аналогичные понятия «օրինականություն», «օրինականության սկզբունքը» встречаются всего в трех кодифицированных актах: Уголовно-процессуальном кодексе Республики

Армения от 1 июля 1998 г. (далее — УПК РА), Уголовном кодексе Республики Армения от 18 апреля 2003 г. (далее — УК РА) и Уголовно-исполнительном кодексе Республики Армения от 18 января 2005 г. (далее — УИК РА).

Во-вторых, формулировки принципа законности, изложенные в соответствующих статьях различных отраслевых кодексов, практически не совпадают ни по объему, ни, в определенной степени, по содержанию.

Так, в ст. 3 УК РФ «Принцип законности» говорится: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается». В аналогичной ст. 5 «Принцип законности» УК РА содержание принципа законности практически идентично российскому: «1. Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. 2. Применение уголовного закона по аналогии запрещается». Данная ситуация может быть объяснена, по нашему мнению, общими советскими корнями современного российского и армянского уголовного законодательства, а также изучением российского опыта армянским законодателем при составлении УК РА.

Несколько иная ситуация в интересующем нас контексте имеет место в сфере уголовно-процессуального права. Статья 7 «Законность при производстве по уголовному делу» УПК РФ имеет следующее содержание: «1. Суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу. 2. Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом. 3. Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. 4. Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными». Статья 7 УПК РА называется иначе («Законность») и имеет другое содержание: «1. Орган дознания, следователь, прокурор, суд, а также другие лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, обязаны соблюдать Конституцию Республики Армения, настоящий Кодекс и другие законы. 2. Никто не может быть задержан, подвергнут обыску, арестован, осужден, подвергнут приводу по уголовному делу и другим мерам процессуального принуждения, а также иным

³ Демичев А.А., Исаенкова О.В. Принципы и источники гражданского процессуального права Российской Федерации : учебное пособие. Н. Новгород, 2005. С. 14.

ограничениям прав и свобод иначе как на основании и в порядке, установленных законом». Возможно, в данном случае разница в формулировании принципа законности в уголовно-процессуальной сфере обуславливается тем, что УПК РА был принят раньше УПК РФ, и российский законодатель пошел своим путем, не пытаясь в данном случае использовать армянский опыт законодательства.

Также имеются различия в плане закрепления принципа законности в уголовно-исполнительном законодательстве России и Армении. Так, в ст. 8 «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» УИК РФ соответствующие принципы только перечисляются (причем принцип законности назван первым, видимо, в силу его значимости), но их содержание ни здесь, ни в каком-либо другом структурном элементе УИК РФ не раскрывается. В ст. 7 «Принцип законности» УИК РА изложено следующее содержание данного принципа: «Должностные лица органов и учреждений исполнения наказания вправе выполнять только действия, возложенные на них по закону. Действия должностных лиц могут быть опротестованы в суд или другой предусмотренный законом орган». Полагаем, в данном случае отечественному законодателю было бы целесообразно использовать армянский опыт если не в текстуальном выражении, то хотя бы в плане подхода к закреплению и раскрытию принципа законности.

Статья 1.6 КоАП РФ, которая называется «Обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением», содержит следующее понимание законности в административном праве: «1. Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом. 2. Применение уполномоченными на то органом или должностным лицом административного наказания и мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в связи с административным правонарушением осуществляется в пределах компетенции указанных органа или должностного лица в соответствии с законом. 3. При применении мер административного принуждения не допускаются решения и действия (бездействие), унижающие человеческое достоинство».

Статья 6 «Законность при рассмотрении дел арбитражным судом» АПК РФ более лаконична в понимании законности: «Законность при рассмотрении дел арбитражным судом обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах».

Наконец, в КАС РФ в ст. 9 «Законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел» закреплена позиция, что

«законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод».

Обратим внимание, что во всех случаях, когда в законодательстве России и Армении используются термины «принцип законности», «законность», мы имеем дело исключительно с кодексами, регулируемыми публично-правовые отношения, а именно: уголовные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, административные, административно-процессуальные, арбитражно-процессуальные. Очевидно, что здесь прослеживается закономерность — нормативное закрепление принципа законности существует именно там, где закон строго императивен, государство занимает доминирующее положение по отношению к личности. Соответственно личности требуется особая защита.

Во многих отраслевых кодексах России и Армении принцип законности не нашел нормативного закрепления. Тем не менее большинство исследователей с уверенностью говорят о его наличии. Проиллюстрируем данную ситуацию на примере отрасли гражданского процессуального права России. Так, принципу законности в гражданском процессе посвящено немало исследований. Диапазон мнений относительно принципа законности в гражданском процессе: от мнения В.М. Семенова, что как таковому принципу законности нет места в гражданском процессе⁴, и А.Г. Давтян, считающей, что «законность является формой существования и осуществления правосудия, но не принципом, т.е. правилом гражданского судопроизводства»⁵, до обоснования, что принцип законности является одним из основных принципов гражданского процессуального права⁶. Однако при этом разные ученые вкладывают в него, хотя в целом и схожее, но все же различное

⁴ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 78–79.

⁵ Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 254.

⁶ См., например: Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970; Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. М., 1989; Федина А.С. Принцип законности в гражданском процессе. Тверь, 2000; Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009 и др.

содержание⁷. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении принципа законности в других отраслях права.

В конечном итоге мы приходим к следующим выводам.

1. В Конституциях России и Армении принцип законности не выражен в четко сформулированном виде. Можно предположить, что в Конституции Российской Федерации он закреплен в ст. 15: «1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. 2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. 3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. 4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», а в Конституции Республики Армения — в ст. 47: «Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы,

уважать права, свободы и достоинство других лиц. Запрещается использование прав и свобод в целях насильственного свержения конституционного строя, разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти, пропаганды насилия и войны».

Как видим, идея законности здесь одна — верховенство закона, приоритет прав и свобод человека и обязательное соблюдение нормативных правовых актов всеми субъектами права. Однако данная идея выражена различными формулировками. Сам факт, что законодатель не использует термин «законность», дает возможность для различных интерпретаций и заставляет усомниться, можно ли считать законность конституционным, всеобщим принципом российского/армянского права.

2. Исходя из позитивистского подхода к принципам права принцип законности является не доктринальным, межотраслевым, так как он закреплен не во всех, а только в отдельных кодексах. При этом в качестве идеи, а не нормативно закрепленного положения законность, несомненно, лежит в основе всех отраслей права и всей системы правового регулирования.

3. Формулировки принципа законности в различных российских и армянских отраслевых кодексах различаются по объему и в определенной степени по содержанию. Это приводит к мысли о целесообразности унификации формулирования данного принципа в нормативных правовых актах.

4. Нормативное закрепление принципа законности имеет место в ряде отраслей именно публичного права, где государство занимает доминирующее положение по отношению к личности. Принцип законности в данном случае является одной из основ, на которых зиждется правовое государство и гражданское общество, выступает гарантом прав и свобод личности.

⁷ Подробнее см.: Сулейманова К.М. Принцип законности в науке гражданского процесса // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 170–176.

Литература

1. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве / М.Г. Авдюков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 203 с.
2. Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе / А.Т. Боннер. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1989. 80 с.
3. Давтян А.Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении / А.Г. Давтян // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушников. М.: Городец, 2004. 348 с.
4. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права / А.А. Демичев // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.
5. Демичев А.А. Принципы и источники гражданского процессуального права Российской Федерации: учебное пособие / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской акад. МВД России, 2005. 47 с.
6. Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность / А.А. Демичев // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.
7. Илюхина В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) / В.А. Илюхина // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48.
8. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семенов. М.: Юридическая литература, 1982. 152 с.
9. Сулейманова К.М. Принцип законности в науке гражданского процесса / К.М. Сулейманова // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 170–176.
10. Федина А.С. Принцип законности в гражданском процессе / А.С. Федина. Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. 143 с.
11. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса / Д.А. Фурсов. М.: Статут, 2009. 78 с.

РАВЕНСТВО И РАВНОПРАВИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

*Афанасьева Мария Павловна,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета
maxrusta93@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию ряда актуальных проблем, связанных с толкованием и реализацией конституционных принципов равенства и равноправия в современной России. Автор обращает внимание, что равенство как равное положение лиц в обществе имеет весьма разнообразные трактовки и интерпретации, причем не только в юридической науке, но и в ряде других социальных дисциплин. Публичная власть организуется на основе принципа иерархии, что порождает ряд конституционно допустимых форм неравенства. Подобного рода «неравенство» не просто допустимо, но и совершенно необходимо в конституционном государстве и демократическом обществе.

Ключевые слова: равенство, права человека, демократия, гуманизм, справедливость, конституционный строй и порядок.

Equality and Equality of Rights as Constitutional Law Categories

*Afanasyeva Maria P.
Postgraduate Student of the Department of State
and Legal Disciplines of the Astrakhan State University*

Clause is devoted to research of some the actual problems connected with interpretation and realization of the constitutional principles of equality and equality in modern Russia. The author pays attention, that equality as equal position of persons in a society has rather various treatments and interpretations, and not only in jurisprudence, but also in a number of other social disciplines. The public authority will be organized on the basis of a principle of hierarchy that generates a number of constitutionally admissible forms of an inequality. A similar sort "inequality" it is not simply admissible, but also it is absolutely necessary in the constitutional state and a democratic society.

Keywords: equality, human rights, democracy, humanism, validity, the constitutional law and order.

Понятие «равенство» в русском языке имеет три смысловых значения: как «одинаковость», «равноправие» и «тождество». В первом и третьем случаях речь идет о юридически нейтральных категориях (либо полное сходство, либо соотношение математических величин, что не связано с общественными отношениями как объектом правового регулирования). Второе из трех указанных значений исследуемой категории предполагает понимание равенства как *равного положения* лиц в обществе. Оно, напротив, имеет правовой смысл и юридическое значение¹. В связи с этим дореволюционный русский юрист И.А. Ильин верно подчеркивал, что «люди не равны друг другу ни телом, ни душой; они не равны и по содержанию своей духовной жизни, несмотря на то, что обращены к одним и тем же предметным центрам духа, перед лицом которых они живут, даже тогда, когда отверщаются от них и забывают о них; но по своему праву» каждый «равен другому»².

Равенство как равноправие и равное положение лиц в обществе имеет весьма разнообразные трактовки и интерпретации, причем не только в юридической науке, но и в ряде других социальных дисциплин³. Так, одно из возможных понима-

ний юридической концепции равноправия состоит в идеологии *эгалитаризма*, противопоставляемого *элитаризму*. Эгалитаризм основывается на концепции возможностей личности, нуждающихся в реализации. Если государство и право создают равные условия для самореализации потенциала человека — равенство считается обеспеченным и гарантированным. Эту концепцию, в том или ином виде, развивали древние ученые (Платон, Аристотель), поддерживала христианская доктрина (равенство людей перед богом), уточняла и углубляла классическая социальная философия (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и др.). В том или ином виде концепция эгалитаризма поддерживается многими современными учеными⁴.

В противовес этому понятие равенства трактовалось и как «однообразие», полное подчинение личности обществу (Т. Мор, Т. Кампанелла). Наиболее полное выражение эта концепция и теоретико-методологическая позиция нашла в учениях марксизма, ленинизма и коммунизма, которые уже нельзя

просы государства и права / редкол.: Котляревский Г.С., Малькевич В.В., Розин Э.Л. (отв. ред.). М.: РИО ВЮЗИ, 1984. С. 70.

¹ См.: Крылов Б.С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–24.

² См.: Ильин И.А. Сильная власть. Русская идея. М.: Издательство «Э», 2017. С. 177–178.

³ См., например: Серкова В.В. К вопросу о соотношении понятий равенства и равноправия // Сборник научных трудов ВЮЗИ. XXVI съезд КПСС и теоретические во-

⁴ См., например: Феррандино А. Равноправие, равенство возможностей и равенство результатов: роль государства в поиске справедливого компромисса // К 20-летию Конституции Российской Федерации. Конституционные права и свободы в Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д., 11–12 октября 2013 г. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2013. С. 75–77.

считать «эгалитаризмом»⁵. Доведенная до крайности теория равенства как «социальной справедливости» привела к ущемлению достоинства личности, вмешательству государства в частную жизнь, отрицанию частной собственности и хозяйственной инициативы, в конечном итоге — к неконституционным формам государства и права. С другой стороны, сама по себе идея социальной справедливости (в умеренном виде, не доведенная до «крайности») имеет много общего с концепцией социального государства как элементом теории конституционализма⁶. В конституционном государстве требуется социальная солидарность, взаимная поддержка, перераспределение доходов с помощью налоговой и бюджетной систем, развернутая совокупность пенсий, социальных пособий и других мер социальной защиты граждан.

Социальное неравенство, в той или иной степени, наблюдалось на протяжении всей истории России, что характерно и для многих зарубежных стран. Имущественное и природное неравенство наших предков приводило к социальному расслоению на «богатых» и «бедных», «господ» и «слуг» и т.п. Не все индивиды обладали даже элементарным правом на правосубъектность: одни лица «возвеличивали» свой статус, другие — низвергались в «ничтожество»⁷. Личная зависимость дворян от воли и прихоти монарха (XVII–XVIII вв.), институт крепостничества (до второй половины XIX в.) оттесняли нашу страну на периферию по сравнению с завоевавшими популярность в Западной Европе концепциями конституционализма и гуманизма⁸. Конституционный путь институционализации равенства и равноправия не получил надлежащей реализации и в советской России. Лишь на современном этапе истории нашей страны (конец XX — начало XXI вв.) созрели условия для развития и воплощения в жизнь ключевых гуманистических идей равного положения людей в обществе⁹.

В соответствии со ст. 19 Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом. Этот

принцип означает, что в стране должна быть исключена дискриминация по признакам пола, расы, национальности, религии, имущественного и должностного положения; запрещается сословное неравенство и исключаются привилегии сословий; исключено рабство и подневольное состояние. Однако не следует думать, что ст. 19 Конституции Российской Федерации исключила вообще какие-либо юридические формы неравенства, придав им исключительно противоправный характер. Равенство и неравенство сочетаются в современном обществе, что санкционирует непосредственно Конституция Российской Федерации, развивающие ее законы и судебная практика¹⁰.

Конституция Российской Федерации учреждает демократическую публичную власть, основанную на суверенитете народа, выборности главы государства и парламента, а также государственных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. При этом сама по себе власть есть отношение неравенства. Лицо, которое имеет власть над другим субъектом, не может считаться ему равным даже в формально юридическом смысле исходя из контекста ст. 19 Конституции Российской Федерации. Иными словами, «народ» (верховный носитель власти) не равен «гражданам», из которых состоит этот «народ»¹¹. Законодательные (представительные) органы не равны другим субъектам правоотношений, потому что последние должны подчиняться законодательным нормам, установленным парламентом. Если исполнительные органы обладают управленческой властью, то неизбежны правоотношения субординации между «начальниками» и «подчиненными», «руководителями» и «подвластными». Судебные органы власти не могут считаться равными тяжущимся сторонам. Об этом свидетельствуют даже внешние ритуалы (к суду обращаются стоя, заявляются «ходатайства», но не «требования» к суду и т.д.), не говоря уже о правоотношениях

⁵ См.: Марчук А. Социальное и правовое равенство в социалистическом обществе. (Социально-правовой анализ равенства и равноправия женщин и мужчин в СССР и ПНР) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 14.

⁶ См.: Комкова Г.Н. Социальное неравенство в политике российского государства // Конституционные чтения : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Ч. 1 / редкол.: Велиева Д.С., Кабышев В.Т., Колесников Е.В., Комкова Г.Н. (отв. ред.), Наумов С.Ю. Саратов : Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2003. С. 13–18.

⁷ См.: Энгельман И. История крепостного права в России / пер. с нем. М. : Изд. С. Скирмунта, 1900. С. 46–79.

⁸ См.: Кравец И.А. Конституционализм в России в начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1995. С. 12.

⁹ См.: Гулина О.Р. Право на равенство и защита от дискриминации: опыт Европейского Союза и Совета Европы // Государство и право. 2011. № 2. С. 23–31; Бабиченко К.Н. Международно-правовые механизмы обеспечения равенства людей и противодействия всем формам дискриминации // Право: теория и практика. 2004. № 2. С. 4–8.

¹⁰ См.: Лиференко С.Н. Несоответствие понятия и практического применения равноправия и равенства в российском конституционном праве // Конституционные чтения : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / редкол.: Анненкова В.Г., Велиева Д.С., Володин В.В., Кабышев В.Т., Комкова Г.Н. (отв. ред.), Наумов С.Ю. Саратов : Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2005. С. 170–172; Цветков А.О. Принципы равенства и равноправия как базовые элементы современной юридической структуры правового статуса личности // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 17 / отв. ред.: Андреев С.М. Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2010. С. 3–6.

¹¹ См.: Астафичев П.А. Народный суверенитет: понятие, содержание, конституционные формы выражения // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. С. 2–10; Клейменов Р.Ш. Народный суверенитет, этнонациональная модель самоопределения и проблемы равноправия субъектов Российской Федерации // Миграционная политика в XXI веке : материалы Международной научно-практической конференции. 3–4 июня 2004 г. / отв. ред.: Баранов П.П., Верещагин В.Ю., Контарев А.А. Ростов н/Д. : Изд-во РЮИ МВД России, 2004. С. 68.

по существу (суд независим, не связан волей сторон, в то время как стороны обязаны подчиниться суду и в процессуальном, и в материально-правовом смыслах).

Публичная власть организуется на основе принципа иерархии, что также порождает ряд конституционно допустимых форм неравенства¹². Иерархия невозможна в отношениях между высшими органами, которые непосредственно учреждены Конституцией Российской Федерации на основе принципа разделения властей. Парламент не обязан «выполнять» поручения или распоряжения главы государства, суд не может потребовать предоставления годового отчета от уполномоченного по правам человека и т.п. В этом смысле органы законодательной, исполнительной и судебной власти равны перед законом. Однако многие другие компоненты государственного аппарата представляют собой сложно организованную иерархическую структуру органов, их подразделений, должностных лиц и государственных служащих. Они не равны между собой вследствие действия иерархического принципа.

В Конституции Российской Федерации несколько раз подчеркивается действие принципа иерархии, когда речь идет об организации прокуратуры (единая централизованная система с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим), единой системы исполнительной власти (по предметам ведения федерации и в пределах федеральных полномочий по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов исполнительные органы образуют единую систему исполнительной власти)¹³. Из этого можно сделать вывод о том, что прокуроры не равны друг другу; не являются равными федеральные и региональные органы исполнительной власти, если только речь не идет о предметах исключительно ведения субъектов Российской Федерации (ст. 73 Конституции Российской Федерации).

Весьма интересным образом Конституция Российской Федерации оговаривает вопрос о

равноправии субъектов Российской Федерации в их отношениях с федеральным центром¹⁴. Республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа являются равными в силу буквы Конституции Российской Федерации несмотря на очевидные различия в их статусе. Однако они действительно равны в том смысле, что имеют единые полномочия и публично значимые функции исходя из имеющегося в стране конституционного механизма разграничения предметов ведения между федерацией и ее субъектами (ст. 71–73, 76 Конституции Российской Федерации).

Подобного рода «неравенство» не просто допустимо, но и совершенно необходимо в конституционном государстве и демократическом обществе. Равенство как «безвластие» было бы чревато самосудом и расправой, частным произволом в отсутствие единых цивилизованных правил общежития публично-правового характера. Так, Россия в догосударственных формах общественных отношений имела опыт кровной мести и человеческих жертвоприношений. Господство «частного» над «публичным» полностью дискредитировало себя в период Средневековья (Западная Европа). В связи с этим в современном обществе нет оснований для каких-либо сомнений по вопросам о необходимости государства и его суверенитета, следовательно — государственной власти, порождающей неравенство. Из этого следует вывод, что нормативное содержание ст. 19 Конституции Российской Федерации не опровергает государственный суверенитет и верховенство власти государства (ст. 4 Конституции Российской Федерации). Все равны перед законом и судом, но все обязаны подчиниться закону и суду. Правовое равенство сосуществует с принципом связанности правом. Право не только защищает от произвольного вмешательства, но и обязывает граждан к субординации.

¹² См.: Исаев И.А. «Сферы» власти и «круги» закона: рождение иерархий // Право и государство: теория и практика. 2006. № 10. С. 4–23.

¹³ См.: Бланкенагель А. Концепция единой системы исполнительной власти, часть 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации — какая система, а где единство? // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 123; Кобяшев В.Г. Конституционный принцип единства системы исполнительной власти в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 12. С. 35–37; Вагин И.С. Реализация принципа единства системы исполнительной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 9.

¹⁴ См.: Битюцкий Е.В., Синцов Г.В. Проблема соотношения понятий: равенство, равноправие и равный правовой статус субъектов Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. № 3. М. : ООО «К-Пресс», 2011. С. 14–17; Иванов А.М. К вопросу о соотношении понятий «равенство» и «равноправие» в федеративном устройстве России: проблемы асимметрии субъектов Федерации // Актуальные проблемы конституционного права: континентальный опыт и пути решения: сборник научных статей / сост.: Кузнецов С.А.; отв. ред.: Кузнецов С.А., Плотноков А.А. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. С. 55–63; Некрасов С.И. Конституционные основы статуса субъектов Российской Федерации (проблемы равноправия и равенства // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 62–70.

Литература

1. Астафичев П.А. Народный суверенитет: понятие, содержание, конституционные формы выражения / П.А. Астафичев // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 4. С. 2–9.
2. Бабиченко К.Н. Международно-правовые механизмы обеспечения равенства людей и противодействия всем формам дискриминации / К.Н. Бабиченко // Право: теория и практика. 2004. № 2. С. 4–8.
3. Бланкенагель А. Концепция единой системы исполнительной власти, часть 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации — какая система, а где единство? / А. Бланкенагель // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 123–128.

4. Вагин И.С. Реализация принципа единства системы исполнительной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Вагин. М., 2003. 26 с.
5. Гулина О.Р. Право на равенство и защита от дискриминации: опыт Европейского Союза и Совета Европы / О.Р. Гулина // Государство и право. 2011. № 2. С. 23–31.
6. Иванов А.М. К вопросу о соотношении понятий «равенство» и «равноправие» в федеративном устройстве России: проблемы асимметрии субъектов Федерации / А.М. Иванов // Актуальные проблемы конституционного права: континентальный опыт и пути решения : сб. науч. ст. / сост. С.А. Кузнецов; отв. ред. Кузнецов С.А., Плотников А.А. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. 145 с.
7. Ильин И.А. Сильная власть. Русская идея / И.А. Ильин. М. : Издательство «Э», 2017. 695 с.
8. Исаев И.А. «Сферы» власти и «круги» закона: рождение иерархий / И.А. Исаев // Право и государство: теория и практика. 2006. № 10. С. 4–23.
9. Клейменов Р.Ш. Народный суверенитет, этнонациональная модель самоопределения и проблемы равноправия субъектов Российской Федерации / Р.Ш. Клейменов // Миграционная политика в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции (3–4 июня 2004 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. П.П. Баранов, В.Ю. Верещагин, А.А. Контарев. Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2004.
10. Кобяшев В.Г. Конституционный принцип единства системы исполнительной власти в решениях Конституционного Суда РФ / В.Г. Кобяшев // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 12. С. 35–38.
11. Комкова Г.Н. Социальное неравенство в политике российского государства / Г.Н. Комкова // Конституционные чтения : межвузовский сб. науч. тр. Вып. 4. Ч. 1 / редкол. Д.С. Велиева, В.Т. Кабышев, Е.В. Колесников [и др.]; отв. ред. Г.Н. Комкова. Саратов : Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2003.
12. Кравец И.А. Конституционализм в России в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Кравец. Томск, 1995. 315 с.
13. Крылов Б.С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве / Б.С. Крылов // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3–12.
14. Лиференко С.Н. Несоответствие понятия и практического применения равноправия и равенства в российском конституционном праве / С.Н. Лиференко // Конституционные чтения : межвузовский сб. науч. тр. Вып. 6 / редкол. В.Г. Анненкова, Велиева Д.С., Володин В.В., Кабышев В.Т. [и др.]; отв. ред. Г.Н. Комкова. Саратов : Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2005.
15. Марчук А. Социальное и правовое равенство в социалистическом обществе (Социально-правовой анализ равенства и равноправия женщин и мужчин в СССР и ПНР) : дис. ... канд. юрид. наук / А. Марчук. М., 1980. 207 с.
16. Некрасов С.И. Конституционные основы статуса субъектов Российской Федерации (проблемы равноправия и равенства) / С.И. Некрасов // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 62–70.
17. Серкова В.В. К вопросу о соотношении понятий равенства и равноправия / В.В. Серкова // XXVI съезд КПСС и теоретические вопросы государства и права : сб. науч. тр. ВЮЗИ / редкол. Г.С. Котляревский, В.В. Малькевич; отв. ред. Э.Л. Розин. М. : РИО ВЮЗИ, 1984. 141 с.
18. Синцов Г.В. Проблема соотношения понятий: равенство, равноправие и равный правовой статус субъектов Российской Федерации / Г.В. Синцов, Е.В. Битюцкий // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 14–17.
19. Феррандино А. Равноправие, равенство возможностей и равенство результатов: роль государства в поиске справедливого компромисса / А. Феррандино // К 20-летию Конституции Российской Федерации. Конституционные права и свободы в Российской Федерации : материалы Международной научно-практической конференции (г. Ростов н/Д., 11–12 октября 2013 г.) : сб. науч. ст. Ростов н/Д. : Изд-во Южного федерального ун-та, 2013. 573 с.
20. Цветков А.О. Принципы равенства и равноправия как базовые элементы современной юридической структуры правового статуса личности / А.О. Цветков // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Вып. 17 / отв. ред. Андреев С.М. Омск : Изд-во Омск. акад. МВД России, 2010. 203 с.
21. Энгельман И. История крепостного права в России / И. Энгельман; пер. с нем. М. : Изд. С. Скимунта, 1900. 442 с.

В соответствии с Распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р федеральный научно-практический журнал «Гражданское общество в России и за рубежом» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

12.00.07 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки);

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Тхабисимова Людмила Аслановна,
заместитель директора по научной работе,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института Пятигорского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
thabisimoval@mail.ru*

*Рябова Татьяна Владимировна,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института Пятигорского государственного университета
taiv805@rambler.ru*

В статье исследуются основные гарантии обеспечения защиты прав граждан в современной России, роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав граждан. Проанализированы основные нормы Конституции Российской Федерации в области защиты прав граждан. Рассматриваются отношения, которые они регулируют, и правовые гарантии, которыми руководствуются правоприменители. Обозначается понятие конституционно-правового механизма и его составляющие. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что наиболее эффективная и надлежащая защита прав граждан в Российской Федерации — это защита посредством конституционного правосудия, а также необходимость формирования конституционно ориентированного правосознания граждан.

Ключевые слова: права граждан, исполнительная власть, конституционная юстиция, конституционные ценности, право на судебную защиту, конституционный суд, закон.

The Constitutional Law Mechanism of Protection of Civil Rights in the Russian Federation on the Modern Stage

*Tkhabisimova Lyudmila A.
Deputy Director for Research
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University
Doctor of Law
Professor*

*Ryabova Tatyana V.
Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the Pyatigorsk State University*

The article examines the basic guarantees for ensuring the protection of the rights of citizens in modern Russia, the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the rights of citizens. The main norms of the Constitution of the Russian Federation in the field of protecting the rights of citizens are noted and analyzed. We consider the relations that they regulate and the legal guarantees that govern the law enforcement agencies. The concept of the constitutional legal mechanism and its components is designated. Based on the conducted research, it is concluded that the most effective and proper protection of the rights of citizens in the Russian Federation is protection through constitutional justice, as well as the need to form a constitutionally oriented legal consciousness of citizens.

Keywords: rights of citizens, executive branch, constitutional justice, constitutional values, access to courts, constitutional court, law.

Права человека и гражданина как юридическая категория включает в себя гарантированные государством возможности индивида обладать и пользоваться конкретными благами: социальными, экономическими, политическими, гражданскими и культурными. Защита прав человека и гражданина — это деятельность, осуществляемая государственными органами, общественными организациями и отдельными лицами, имеющая целью охрану прав и свобод человека, обеспечение их

соблюдения¹. Защита прав граждан включает в себя действия по восстановлению нарушенных прав, обеспечению компенсации физического, морального, материального и профессионального вреда.

В современном государстве защита прав граждан является одной из ключевых конституционных гарантий. Государство, в котором не гарантируется

¹ Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М. : Книжный мир, 2002.

защита прав и свобод граждан, не может называться демократическим и правовым и, следовательно, гармонично развиваться в условиях современного мироустройства. И Российская Федерация в этом плане не исключение. Согласно Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, они являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 17, 18 Конституции Российской Федерации)².

Защита прав граждан выражается в возможностях человека охранять свои интересы в целом, а также в правах и гарантиях на справедливое правосудие. Как отмечает С.А. Авакьян, защита прав и свобод человека понятие многообразное. В ряде случаев нужны инициативные усилия самой личности, например, без личного обращения в суд не будет рассмотрения дела, без подачи заявления с сопроводительными документами не назначат пенсию и т.д. Конституция Российской Федерации предполагает собственные действия гражданина по защите своих прав и свобод, отсюда конституционная формула о праве каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это может быть защита и словом, и делом, вплоть до физической самозащиты от посягательств на жизнь, честь, здоровье³.

С этим нельзя не согласиться, так как гражданин своими действиями порождает определенные последствия, а вот какие это будут последствия, зависит от самого гражданина. Они могут быть как благоприятными для государства и общества, а также для него самого, так и неблагоприятными. Для уменьшения числа неблагоприятных последствий, на наш взгляд, необходимо создавать условия для повышения правосознания граждан, соблюдении ими конституционных ориентиров. Несомненно, ценность норм конституции и конституционной юстиции в этом аспекте очень велика.

Конституционно-правовой механизм защиты прав граждан представляет собой универсальную организационно-правовую систему, где основную роль играют нормы конституции, отношения, которые они регулируют, и правовые гарантии, которыми руководствуются правоприменители. В основе этого механизма лежит конституционное признание и закрепление прав и свобод граждан, а также взаимная ответственность государства и гражданина. По мнению Б.Л. Железнова, этот механизм, являясь организационно-правовым, носит специальный целенаправленный характер, его объект составляют

права, свободы и законные интересы человека и гражданина⁴.

Действительно, именно нормы Конституции Российской Федерации, устанавливающие права и свободы человека и гражданина, играют ключевую роль в механизме защиты прав граждан, так как именно они являются отправной точкой, базовым началом этого механизма.

Согласно Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина является составным элементом политики российского государства (ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации). На это направлена деятельность всех органов государственной власти, а также текущее законодательство. Президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод человека и гражданина в нашем государстве (ст. 80 Конституции Российской Федерации). Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению законности (ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации). Деятельность всех судов на территории Российской Федерации служит тем же целям.

Статья 46 Конституции Российской Федерации гласит, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Судебная защита является наиболее эффективным средством восстановления нарушенных прав. Установленное Конституцией место судебной власти, обеспечивающее ее самостоятельность и независимость, демократические принципы судопроизводства, возможность получения квалифицированной юридической помощи делают суд доступным для каждого человека органом правовой защиты прав, установленных Конституцией и действующим законодательством. Однако зачастую в реальности при обращении граждан в суд они сталкиваются с неким разочарованием и недовольством работой судей и аппарата суда. Право человека на обращение в суд за защитой своих прав не полностью реализуется, т.е. человек обращается с иском в суд, иск принимается, дело рассматривается, но не всегда достигается конечная цель правосудия, а именно правильное и своевременное рассмотрение и разрешения дела. Несомненно, судебная система в настоящее время требует модернизации, направленной на повышение качества отправления правосудия, это касается и аппарата суда, и самих судей. В последнее время в этом направлении уже делаются определенные шаги, к примеру, наиболее широкое распространение получает видеотрансляция судебных заседаний.

В дополнение к этому нельзя не упомянуть ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, которая предусматривает право граждан на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (подсудность дел), а также ч. 1 ст. 48, предусматривающую право на получение

² Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 10.01.2019).

³ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2-х т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014.

⁴ Железнов Б.Л. Конституционный механизм государственной защиты прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 76–80.

квалифицированной юридической помощи. В реализации данного права гражданину обязаны помогать многие государственные органы и должностные лица, к примеру, работники администраций, прокуроры, судьи. Говоря о данном конституционном праве граждан, нельзя не отметить специализированную организацию, оказывающую юридическую помощь гражданам — адвокатуру.

Деятельность адвокатуры регламентирует Федеральный закон № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном данным Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (ст. 1). Здесь тоже не обойтись без подводных камней, нередко встречаются недобросовестные юристы, которые, пользуясь правовой безграмотностью граждан, превращают их проблемы в источник своих доходов. Но, в отличие от обычного юриста, к адвокату применяются меры дисциплинарной ответственности за некачественное оказание юридической помощи, предусмотренные данным Федеральным законом, вплоть до лишения его адвокатского статуса. Говоря о праве на получение квалифицированной юридической помощи, следует отметить, что для малообеспеченных граждан, кто в силу материальных затруднений лишен возможности привлечь профессиональных юристов для защиты своих интересов, был принят Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» № 324-ФЗ от 21 ноября 2011 г. Данный закон устанавливает основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации, организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения.

Один из основных принципов правосудия содержится в ст. 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в силу приговором суда. Речь идет об одном из основных принципов правосудия, важнейшим условием неприкосновенности личности — презумпции невиновности. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Выявлять обстоятельства, говорящие как о его вине, так и о невиновности, обязаны органы следствия

и суд. Закрепление этого принципа в Конституции Российской Федерации отражает гуманизм нашего общества и государства в отношении гражданина.

Гуманизм правосудия отражен также в ст. 50 и 51 Конституции Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 50 никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 2 ст. 50). Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Это конституционное положение подразумевает право личности на отказ от дачи показаний в любом уголовном, гражданском и административном деле. Данная статья обязательна к разъяснению гражданам в судах, в следственных органах.

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации). Это положение предусматривает получение человеком специальных возможностей представления и защиты своих интересов, к примеру, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 42) предусматривает признание лица потерпевшим от преступления специальным актом лица, ведущего следствие или дознание, прокурора или суда. Что касается пострадавших от злоупотребления властью, то гражданин вправе обжаловать в суд действия либо бездействия должностных лиц, ограничивающие или нарушающие его права.

В ст. 53 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, усматривается принцип ответственности государства за действия (бездействие) своих органов и должностных лиц, недобросовестно исполняющих свои обязанности. И, наконец, право, которое в конституционно-правовом механизме нельзя не отметить, говоря о защите прав граждан, это право на применение действующего закона, закрепленное в ст. 54 Конституции Российской Федерации. Она регламентирует, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него

устранена или смягчена, применяется новый закон. Ранее нормы об обратной силе закона устанавливались только в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, закрепление их в Конституции Российской Федерации придает им всеобщий характер и большую значимость, а также расширяет круг их применения, так как Конституция Российской Федерации не уточняет, о каком виде ответственности идет речь, соответственно правило об обратной силе закона относится не только к уголовной и административной ответственности, но и гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной.

Однако защита прав граждан отнюдь не ограничивается конституционным закреплением этого права. Для полноценной реализации, несомненно, необходимы правовые гарантии надлежащего обеспечения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Сложное и меняющееся правовое регулирование общественных отношений в современном мире требует постоянного контроля за соблюдением конституции. Появляются механизмы широкого конституционного контроля с созданием специально предназначенных для этой цели органов — судов, а также правом подачи гражданином индивидуальной конституционной жалобы напрямую или через другие органы. Защита конституционного порядка во многом начинает осуществляться через индивидуализацию форм конституционного контроля. В основу института конституционной жалобы положена мысль о том, чтобы подвергать контролю все ведомственные акты, даже приговоры судебной власти, проверяя, не нарушают ли они прав, основанных на принципах конституции.

Так, по определению Т. Маунца, конституционной жалобой является оспаривание отдельного акта с целью судебного решения по вопросу о его правомерности. Конституционной жалобе может быть придана форма субсидиарного правового вспомогательного средства, которым можно пользоваться только в случае, если нет иного средства правовой защиты⁵.

В Российской Федерации создание Конституционного Суда Российской Федерации в 1991 г. стало дополнительной гарантией в обеспечении судебной защиты прав и свобод граждан. Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ граждане, чьи конституционные права и свободы нарушаются законом, обладают правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации. Оно может быть подано в форме индивидуальной или коллективной жалобы. В законе также отмечено, что жалобы могут

быть поданы как отдельными гражданами, так и их объединениями.

В указанном Федеральном конституционном законе заложен механизм защиты интересов заявителя, по жалобе которого норма была признана неконституционной или выявлен ее конституционный смысл, иной, чем примененный судами в деле заявителя, — право на пересмотр дела, в рамках которого заявитель может получить удовлетворение своих притязаний.

Помнению В.Д. Зорькина, роль Конституционного Суда Российской Федерации в данной системе защиты конституционных прав заключается в том, чтобы нейтрализовать законоположения, нарушающие права неопределенного круга лиц. Однако установление того, в какой степени имело место вмешательство в конституционное право конкретного лица, а также оценка причиненного ему вреда к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не отнесена и находится в подведомственности и подсудности других судов⁶.

В настоящее время основным направлением работы Конституционного Суда Российской Федерации является рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан, отмечает председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин. Ежегодное поступление жалоб граждан варьируется от 14 000 до 19 000, что говорит о доверии людей к Конституционному Суду Российской Федерации. И не менее важно в контексте всего государственного механизма то, что системный аспект деятельности суда позволяет ему предотвращать дальнейшее действие закона, нарушающего Конституцию Российской Федерации, в отношении других граждан⁷.

Обеспечение стабильности Конституции Российской Федерации, охрана прав и свобод человека и гражданина — важнейшая задача Конституционного Суда. Как справедливо отмечает А.В. Коновалов, судебные решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых рассмотрена конституционность законоположений в сфере судостроительства, прокуратуры, адвокатуры, уголовной юстиции, нотариата, социальной сфере, безусловно, затрагивают права граждан Российской Федерации и касаются их реализации. В настоящее время в национальной судебной системе защиты прав и свобод человека и гражданина конституционный контроль является самым эффективным из всех юридических средств обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации на всей территории России,

⁶ Зорькин В.Д. Актуальные проблемы деятельности Конституционного Суда РФ: вопросы и ответы. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 12.01.2019).

⁷ Зорькин В.Д. Конституционная юстиция на переходном этапе исторического развития России // Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы: материалы международной конференции. СПб., 17–18 мая 2016 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info> (дата обращения: 12.01.2019).

⁵ Хрестоматия по конституционному праву: учебное пособие. Т. III / Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014.

обеспечивает поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, единообразное понимание и применения закона⁸.

В этой связи следует согласиться с позицией С.Э. Несмеяновой в том, что проверка конституционности законов не может быть вменена в обязанность судьям общих судов. Вопрос о конституционности примененного или подлежащего применению судом закона сложен и в необходимых случаях требует глубокого изучения с привлечением специалистов в области государственного или международного права. Такие функции не соответствуют задачам общих судов⁹.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П от 18 апреля 2017 г. по делу о проверке конституционности п. «м» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки О.И. Гуровой, проходившей службу в должности младшего инспектора исправительной колонии и уволенной со службы по тому основанию, что при поступлении на службу в анкете она не указала сведения о наличии судимости (до поступления на службу была осуждена приговором мирового судьи), так как считала себя лицом ранее не судимым по тому основанию, что совершенное ею деяние было декриминализовано федеральным законом. Ее искивные требования рассматривали несколько судебных инстанций разных уровней, которые выносили судебные решения, отличающиеся как мотивировочной, так и резолютивной частями по одному и тому же вопросу. Районный суд требования заявительницы удовлетворил, указав, что сокрытие истицей наличия в отношении нее обвинительного приговора должно было послужить поводом к ее увольнению по п. «п» ч. 1 ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (представление подложных документов или заведомо ложных сведений при приеме на службу), а не по п. «м» (в связи с осуждением за преступление после

вступления в законную силу обвинительного приговора суда) той же статьи. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам решение суда первой инстанции было отменено и вынесено новое решение, которым заявительнице отказано в удовлетворении ее исковых требований со ссылкой на то, что декриминализация деяния не изменяет факта осуждения лица вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Определением судьи областного суда и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации в передаче кассационных жалоб заявительницы для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также отказано.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу состояла в следующем, поскольку правовое значение декриминализации носит общий характер и увольнение со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в связи с их осуждением за совершение деяний, которые на момент решения вопроса об увольнении утратили уголовно-правовую оценку в качестве преступных, не может рассматриваться как согласующееся с природой Российской Федерации как правового государства, высшей ценностью которого являются права и свободы человека и гражданина, подлежащие защите на основе конституционного принципа равенства¹⁰.

Данный пример отражает реалии современной действительности, состоящие в том, что, как правило, только Конституционному Суду Российской Федерации под силу решение таких сложных правовых вопросов, а также высшая квалификация судей Конституционного Суда Российской Федерации позволяет обеспечить единообразное понимание и применение законов в Российской Федерации, что играет огромную роль в защите прав граждан и надлежащем функционировании правоприменительных органов.

Аналогичную картину правовой неопределенности при вынесении судебных решений судами разных инстанций можно увидеть во всех постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. Следует констатировать, что наиболее эффективная и надлежащая защита прав граждан в Российской Федерации — это защита посредством конституционного правосудия.

⁸ Коновалов А.В. Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда РФ как элемент системы защиты прав и свобод граждан // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 5(53). С. 10–12.

⁹ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П от 18 апреля 2017 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/> (дата обращения: 13.01.2019).

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2-х т. / С.А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь / А.Б. Барихин. М. : Книжный мир, 2002. 719 с.
3. Железнов Б.Л. Конституционный механизм государственной защиты прав человека / Б.Л. Железнов // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 76–80.
4. Зорькин В.Д. Актуальные проблемы деятельности Конституционного Суда РФ: вопросы и ответы / В.Д. Зорькин. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 12.01.2019).

5. Зорькин В.Д. Конституционная юстиция на переходном этапе исторического развития России / В.Д. Зорькин // Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы: материалы международной конференции (г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2016 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info> (дата обращения: 12.01.2019).
6. Коновалов А.В. Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда РФ как элемент системы защиты прав и свобод граждан / А.В. Коновалов // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 5(53). С. 10–12.
7. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / С.Э. Несмеянова. Екатеринбург, 2004. 476 с.
8. Хрестоматия по Конституционному праву: учебное пособие / Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. Т. 3: Конституционное регулирование территориальной организации власти. Конституционно-правовое регулирование способов и порядка формирования государственных органов. Конституционные основы системы и статуса государственных органов. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 981 с.

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ФЕМИНИСТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ (К ЮБИЛЕЮ Р.Б. ГИНЗБУРГ)*

*Ульбашев Алим Хусейнович,
преподаватель Французского университетского колледжа
при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (МГУ),
кандидат юридических наук
alim-ulbashev@mail.ru*

Настоящая статья посвящена вопросам зарождения и становления семейно-правовой феминистики как самостоятельного раздела отечественной и зарубежной доктрины семейного права. Автор начинает исследование с обзора истории феминизма как движения в защиту прав женщин, поскольку это позволяет понять особенности и отличия российских и иностранных подходов к регламентации прав женщин. Феминистское движение на Западе последовательно прошло три этапа в своем развитии, в результате чего были выработаны четкие принципы и ценности этого движения, которые в последующем легли в основу семейно-правовой феминистики. В России Октябрьская революция 1917 г. сыграла решительную роль в деле защиты прав женщин, раскрепощения и полноценного «включения» женщины в общественную жизнь. Вместе с тем после революции проблематика прав женщин перестала привлекать большое общественное и научное внимание (по крайней мере, по сравнению с западными странами). Особое внимание в статье уделяется правовому положению женщины в семье, поскольку именно семейный статус предопределяет положение женщины во всем обществе. В заключение автор акцентирует внимание на необходимости дальнейшего развития учения о правах женщины как о ядре более общей концепции прав человека.

Ключевые слова: феминизм, суфражизм, семейно-правовая феминистика, права женщины, права человека.

Family Law Feminism in Russia and Abroad (to an R.B. Ginsburg's Anniversary)

*Ulbashev Alim Kh.
Lecturer of the French University College
under the Lomonosov Moscow State University (MSU)
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to the issues of origin and formation of the feminist studies as a part of the national and foreign family law doctrine. The author begins the study with a review of the history of feminism as a movement in defense of women's rights, as it allows to understand the features and differences of the Russian and foreign approaches to the regulation of women's rights. The feminist movement in the West has consistently gone through three stages in its development, as a result, the clear principles and values of this movement were developed, which subsequently formed the basis of the feminist studies in the Russian and foreign family law doctrine. In Russia, the October Revolution of 1917 played a decisive role in the protecting women's rights, emancipation, and the full "inclusion" of women in the public life. At the same time, after the revolution, the problems of women's rights lost the social and doctrinal importance (at least in comparison with the Western countries). Particular attention is paid to the legal status of women in the family, since the family status predetermines the position of the women in the whole society. In conclusion, the author focuses on the need to further develop the doctrine of the women's rights as the core of the more general concept of the human rights.

Keywords: feminism, Suffrage, feminist studies, women's rights, human rights.

* Рут Бейдер Гинзбург (1933 г.р.) — американский юрист и философ права, первая еврейка в истории Америки, назначенная на должность судьи Верховного суда США (1993 г. — н.в.). С именем судьи Р.Б. Гинзбург связывают современный этап развития феминизма и семейно-правовой феминистики в США, включение вопросов защиты прав женщин в категорию приоритетных в прецедентной практике высшей судебной инстанции США. Р.Б. Гинзбург считается одним из лидеров и вдохновителем феминистского движения во всем мире.

1. История феминизма (краткий очерк)

Права женщин как самостоятельный политико-правовой концепт вышли на первый план в отечественной и зарубежной юриспруденции сравнительно недавно, на рубеже XIX и XX вв.¹

Даже в период буржуазных революций XVII–XVIII вв. вопрос о правах женщин прямо не ставился. Как верно отмечал И.Е. Фарбер, «буржуазно-демократическое движение за права человека было движением только за права мужчины. Лишь он считался человеком. Характерно, что в английском языке одним словом «*man*» обозначаются человек и мужчина. Так же обстоит дело и во французском языке. Когда французская революция в 1789 г. провозгласила права человека, то они были даже грамматически истолкованы как права мужчин, ведь *l'homme* — это человек и мужчина»².

По этой же причине отцы-основатели американской государственности, авторы Конституции США 1787 г., находившиеся под влиянием наиболее прогрессивных европейских политических и философских веяний того времени, не сочли нужным упомянуть ни в самом документе, ни в последовавшем за ним в 1789 г. Билле о правах (*Bill of Rights*) о правах женщины. И до настоящего времени слово «женщина» (*woman*) так и не появилось в Основном законе США.

Однако остается открытым вопрос: почему именно на рубеже XIX и XX вв. столь быстро начинает произрастать и давать первые социально значимые «плоды» движение в защиту прав женщин (учитывая, что история угнетения и бесправия женщины насчитывала к тому времени уже много тысяч лет)?

Можно предположить, что катализатором борьбы за права женщин становится распространение идей социализма по европейскому континенту. Социалисты впервые в человеческой истории на программном уровне поставили вопрос о необходимости срочного решения «женского вопроса». Признание всего спектра прав за женщинами включалось в программы социалистических партий наравне с требованиями о восьмичасовом рабочем дне, национализации фабрик и заводов, о предоставлении гарантий национальным меньшинствам и самоопределении народов и т.д.

Таким образом, тезис о равенстве женщины и мужчины был одним из «столпов» социализма. Еще В.И. Ленин писал: «Работница и крестьянка угнетены капиталом и, сверх того, они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве»,

«домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»³. Таким образом, дискриминация женщин существовала не только в экономической сфере, но и главным образом в области брачно-семейных отношений.

До XIX–XX вв. считалось, что задачей мужчины является экономическое (материальное) обеспечение женщины, что *de facto* и служило «этическим» обоснованием умаления женщины в правах. Наиболее выпукло эта идея находит выражение в патриархальных обществах Востока. Так, например, «шариат в определенных случаях предусматривает некоторые ограничения использования женщиной своего права на получение образования, выбор работы вне дома или свободу передвижения... Прежде всего, подчеркивают мусульманские юристы, указанное ограничение не является абсолютным: шариат не урезает права женщины, а лишь ставит их использование в зависимость от исполнения ею своего семейного долга, поскольку, например, уход за ребенком и его воспитание — более высокая ценность, нежели реализация профессиональных амбиций»⁴. Такое понимание правового статуса женщины мало соответствует современным западным представлениям о женщине и ее месте в семье и обществе.

Именно в новое время происходят важные социально-экономические преобразования в странах Западной Европы. Все большее количество женщин участвует в промышленном производстве, трудоустраивается в социальных учреждениях (школах, больницах и т.д.). Несмотря на то, что жалование, в среднем предоставляемое работодателем женщине в то время, оставалось меньше аналогичного жалования, получаемого мужчиной, сама экономическая зависимость женщины от мужчины становится менее очевидной. Таким образом отпадает существовавшее веками «обоснование» всевластия мужчины (мужа, домовладыки) в отношениях с женщиной.

Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила положение женщины в России, сметя предрассудки о женщине и ее социальном «предназначении». Практически в одночасье советские женщины приобрели широкий комплекс социально-экономических, политических и семейных прав, став полноправными членами общества. Наиболее заметными стали преобразования на окраинах страны, живших в условиях позднего феодализма.

Но именно с этого момента пути феминистского движения в России и на Западе окончательно расходятся.

В истории стран Западной Европы и США не было такого события, сопоставимого с Октябрьской

¹ См. подробнее: Ланге Е. Женский вопрос в его современной постановке / пер. с нем. яз. И. и В. Слоним; под ред. и с предисл. Ю.И. Айхенвальда. М.: Космос, 1909.

² Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 93.

³ Ленин В.И. Международный день работниц // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1970. Т. 42. С. 368–369.

⁴ Сюкияйнен А.Р. Ислам и права человека. М.: Садр, 2014. С. 53.

революцией, которое «даровало» бы в одночасье женщинам аналогичные права. На Западе борьба женщин за свои права, зарождавшаяся как суфражистское движение и затем переросшая в современный феминизм, никогда не прекращалась, велась *step by step*, приобретала институциональный характер и в конечном счете охватывала все более широкие сферы общественной жизни.

Принято считать, что на Западе было «три волны феминизма»:

1) **«первая волна феминизма»** зародилась в середине XIX в. в США и затем охватила Западную Европу. Основной задачей движения в защиту прав женщин провозглашалось предоставление избирательных прав всем гражданам вне зависимости от пола (лидерами этого движения были американки Лукреция Мотт и Элизабет Кэйти Стэнтон). Позднее в 1876 г. во Франции создается общество *«Le droit des femmes»*, в последующем переименованное в общество *«Le suffrage des femmes»*, важнейшим программным требованием которого также было наделение женщин правом голоса (отсюда и происходит слово *суфражизм* от фр. *suffrage*, т.е. «избирательное право»). В то же время борьба за имущественное и брачное равноправие отходила на второй план;

2) **«вторая волна феминизма»** возникла в середине XX в. и стала реакцией на успехи «первой волны», а также в известной степени соответствовала духу послевоенного мира, главными ценностями которого были провозглашены гуманизм, права человека и равенство.

С конца 1950-х — начала 1960-х гг. в зарубежных странах начинается повсеместная борьба за предоставление женщинам равных прав не только в политической, экономической, социальной, но и семейной жизни⁵. Результатом этой борьбы становятся реформы семейного законодательства с целью гарантирования женщинам тех же прав, что и мужчинам в вопросах заключения и расторжения брака, воспитания детей, решения вопросов, относящихся к семейной жизни в большинстве западных стран (законы Англии 1969 г. «О реформе [порядка] расторжения брака» и «О супружестве» 1973 г.; французская реформа гражданского законодательства 1975 г.; поправка к ст. 1565 германского *BGB* 1977 г. и т.д.).

В целях закрепления достигнутых результатов этой борьбы принимается Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. (немногим позже ратифицированная и СССР), в ст. 16 которой гарантированы основные права женщин в области семейных отношений, включая равные права на свободный выбор супруга и на вступление в брак только со своего свободного и полного согласия; родительские права и т.д.;

⁵ См.: Suk J.C. Are Gender Stereotypes Bad for Women? Rethinking Antidiscrimination Law and Work-Family Conflict // Columbia Law Review. 2010. Vol. 110. No. 1. P. 1 ff.

3) **«третья волна феминизма»**, появившаяся в 1990-х гг. и в известной степени сохраняющаяся до настоящего времени, носит в меньшей мере революционный характер, чем предыдущие две волны. На современном этапе лидеры феминистского движения требуют соблюдения законодательных гарантий своих прав, личной неприкосновенности и неприкосновенности частной жизни женщин и т.д.

Таковы общие черты феминистского движения в зарубежных странах. Примечательно, что в современной России также заявляют о себе некоторые феминистские организации, которые по своей идеологии и программе близки к «третьей волне». Однако в целом история борьбы российских женщин за собственные права оказывается нелинейной и прерывистой в силу отсутствия в отечественной истории «второй волны» феминизма как связующего звена между первыми и третьими «волнами». Именно на этапе «второй волны» были сформулированы основные тезисы феминистики, произошла ее научная концептуализация, которая ближе к 1980-м гг. заложила основы целого направления в зарубежной юриспруденции — **семейно-правовую феминистику**.

2. Семейно-правовая феминистика: предмет и задачи

Как было показано, в советский период времени в отечественной литературе не сформировалось самостоятельное научное направление, которое могло бы называться *семейно-правовой феминистикой*, т.е. *областью правовой науки, исследующей проблемы правового положения женщины в семье, а также реализации ее семейных прав*. Сказанное, однако, не должно приводить к ошибочному выводу об отсутствии какого-либо интереса к этим вопросам в СССР.

Советское государство проводило последовательную политику по вовлечению женщин в сферу производства, образования, государственного управления и т.д. В этих целях устанавливались плановые (целевые) показатели по приему женщин на работу или учебу⁶. Показательно, что в Западной Европе аналогичные меры стали применяться лишь относительно недавно.

Советские работы по семейному праву, в которых рассматривался «женский вопрос», могут быть условно разделены на два «жанра»: (1) справочная литература⁷ и (2) учебники по семейному праву, в которых лишь пунктирно обозначалась эта проблематика (к ним относятся многочисленные переиздания учебников Г.М. Свердлова, А.М. Беляковой и

⁶ См.: Позан Ю.М. Правовое положение женщины в буржуазных странах и в СССР // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 39.

⁷ См., например: Румянцева М., Пергамент А., Громова Г. Справочник женщины-работницы: Права женщин по советскому законодательству. М.: Изд-во ВЦСПС «Профиздат», 1963. С. 186 и др.

Е.М. Ворожейкина, В.А. Рясенцева и др.). Если первая группа публикаций носила узкотематический, научно-популярный и в некоторой степени просветительский характер, представляя собой пересказ законодательства и судебной практики, то для второй группы исследований освещение прав женщин имело и вовсе вспомогательный характер. Такой подход инерционно воспроизводится и сегодня.

В конечном счете складывалась достаточно парадоксальная ситуация: права женщин (в особенности в сфере семейного права) представлялись либо как свод разрозненных законодательных норм и гарантий, либо рассматривались самым общим (поверхностным) образом. Все это лишь в скромной мере способствовало развитию самостоятельного учения о правах женщин, семейно-правовой феминистики.

Как было показано, семейно-правовая феминистика на Западе имеет долгую и без преувеличения «боевую» историю. Развитие семейно-правовой феминистики велось под флагом борьбы за гарантирование свободы развода, достижения равенства женщины и мужчиной (матери и отца) в сфере воспитания детей, реализации права на аборт и т.д.⁸ И если изначально семейно-правовая феминистика рассматривалась исключительно с позиций предоставления комплекса прав женщинам, то в последующем эта область науки значительно расширяется и включает обеспечение гендерного равенства в семье в целом (преодоление дискриминации в отношении в том числе мужчин/мужа, расширение прав ребенка и т.д.). В семейном праве борьба за права женщин стала локомотивом борьбы за права человека в целом. Затем из сферы семейного права борьба за права женщин «перекинулась» на другие сферы правового регулирования⁹.

По мнению американского специалиста по феминистике Дж. Уиллиамс, «наша (имеется в виду американская. — прим. А.У.) экономика делится на матерей и всех остальных. Появление детей вызывает сильный негативный эффект на доходы женщины... несмотря на то, что по статистике женщины лучше образованы»¹⁰. Сказанное вполне применимо и к российскому рынку труда: материальная незащищенность женщины-матери автоматически ставит ее в экономически более слабое положение в отношениях с мужчиной, что подрывает фактическую самостоятельность и равенство женщины и мужчины.

Таким образом, обеспечение гендерного равенства не может носить «локальный» характер,

будучи ограниченным только сферой семейного права. Единство системы права диктует необходимость выработки единых подходов к созданию реального равенства женщины и мужчины в обществе¹¹.

3. Заключение

Гендерное равенство так или иначе признается как в России, так и за рубежом. Однако до сих пор сохраняются проблемы в реализации фактического равенства женщины и мужчины.

Общества, являющиеся традиционалистскими и, как правило, достаточно религиозными, исходят из консервативных представлений о роли и месте женщины в семье и обществе. Все это ведет к тому, что несмотря на признание некоторого комплекса прав за женщинами, осуществление этих прав оказывается затрудненным. Сегодня весь мир становится свидетелем неприемлемых случаев физического и психологического насилия над женщинами, отрицания за ними естественных прав на жизнь и здоровье, умаления их человеческого достоинства (так, получило известность дело о групповом изнасиловании и убийстве студентки Джиоти Сингх Панди в Дели в 2012 г., после чего в Индии было принято решение о введении смертной казни за изнасилование).

Корни дискриминации и социальной стигматизации женщины уходят в область семейной жизни. Нередко еще дети, получая в семье так называемое «патриархальное воспитание», с присущим ему традиционализмом во взглядах на положение женщины, сами в последующем воспроизводят гендерные стереотипы. В конечном счете юридическое, т.е. формально закрепленное, и реальное (фактическое) положение женщины существенно расходятся: если закон исходит из равенства женщины и мужчины, то в общественном сознании и на практике нередко сохраняются средневековые представления о «придаточности» и бесправии женщины.

Появляясь в сфере брачно-семейных отношений, дискриминация женщины охватывает и другие области общественной жизни. В конечном счете демократический принцип равенства женщины и мужчины оказывается формальным, существующим лишь «на бумаге», что само по себе противоречит самым основам правового государства.

Решение существующей проблемы требует реализации многих социальных, экономических и образовательных программ, учитывающих ситуацию с правами женщин, матерей-одиночек и т.д.¹² Лишь общество, в котором все его члены чувствуют себя «включенными» и защищенными, может называться действительно демократическим.

⁸ Bartlett K. Feminism and Family Law // Family Law Quarterly. 1999. Vol. 33. No. 3. P. 475.

⁹ См., например, о значении феминистики для налогового права: Boyd S.S., Young C.F.L. Feminism, Law and Public Policy: Family Feuds and Taxing Times // Osgoode Hall Law Journal. 2004. Vol. 42. No. 2. P. 549.

¹⁰ Williams J. Toward a Reconstructive Feminism: Reconstructing the Relationship of Market Work and Family Work // Northern Illinois University Law Review. 1998. Vol. 19. P. 91.

¹¹ Алексеев С.С. Структура советского права // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 11-ти т. М. : Статут, 2010. Т. 2. С. 22.

¹² Fineman M.A. Fatherhood, Feminism and Family Law // McGeorge Law Review. 2001. Vol. 32. P. 1049.

Литература

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 11-ти т. / С.С. Алексеев. М. : Статут, 2010. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. 471 с.
2. Ланге Е. Женский вопрос в его современной постановке / Е. Ланге ; пер. с нем. И. и В. Слоним; под ред. и с предисл. Ю.И. Айхенвальда. М. : Космос, 1909. 152 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55-ти т. / В.И. Ленин. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 42: Ноябрь 1920 — март 1921. 606 с.
4. Позан Ю.М. Правовое положение женщины в буржуазных странах и в СССР / Ю.М. Позан // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 36–43.
5. Румянцева М. Справочник женщины-работница: Права женщин по советскому законодательству / М. Румянцева, А. Пергамент, Г. Громова. М. : Профиздат, 1963. 287 с.
6. Сюкияйнен А.Р. Ислам и права человека: В диалоге культур и религий / А.Р. Сюкияйнен. М. : Садра, 2014. 212 с.
7. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.Е. Фарбер. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 190 с.
8. Bartlett K. Feminism and Family Law / K. Bartlett // Family Law Quarterly. 1999. Vol. 33. Iss. 3. P. 475–500.
9. Boyd S.S. Feminism, Law, and Public Policy: Family Feuds and Taxing Times / S.S. Boyd, C.F.L. Young // Osgoode Hall Law Journal. 2004. Vol. 42. Iss. 2. P. 545–582.
10. Fineman M.A. Fatherhood, Feminism and Family Law / M.A. Fineman // McGeorge Law Review. 2001. Vol. 32. P. 1031–1049.
11. Suk J.C. Are Gender Stereotypes Bad for Women? Rethinking Antidiscrimination Law and Work-Family Conflict / J.C. Suk // Columbia Law Review. 2010. Vol. 110. No. 1. P. 1–69.
12. Williams J. Toward a Reconstructive Feminism: Reconstructing the Relationship of Market Work and Family Work / J. Williams // Northern Illinois University Law Review. 1998. Vol. 19. P. 89–171.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

*Снурницына Анна Викторовна,
аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
annivanova098@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию института социально-экономических прав и свобод человека и гражданина в исторической ретроспективе. Сравнивая систему данных прав в конституциях советской эпохи и современной России, автор обосновывает вывод, что государство не освобождается от бремени обеспечения прав на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру, но это бремя становится «общей сферой» ответственности государства и гражданина. Государство теперь не может рассматриваться как основной источник социального обеспечения, гарантирующий наемный труд посредством всеобщей занятости. Именно гражданин обязан стремиться к материальному обеспечению себя и своей семьи посредством предпринимательской или трудовой деятельности. Государство берет на себя социальные обязательства лишь в некоторых случаях, большинство из которых обусловлено невозможностью самостоятельного удовлетворения гражданином его материальных потребностей.

Ключевые слова: *социально-экономические права и свободы, социальное государство, право на достойный жизненный уровень, история конституционализма.*

Socioeconomic Human and Civil Rights and Freedoms in the History of Constitutional Development of Russia

*Snurnitsyna Anna V.
Postgraduate Student of the Department of Constitutional, Administrative
and Financial Law of the Orel State University named after I.S. Turgenev*

Clause is devoted to research of institute of the social and economic rights and freedom of the person and the citizen in a historical retrospective show. Comparing system of the given rights in constitutions of the Soviet epoch and modern Russia, the author proves a conclusion, that the state is not released from burden of maintenance of the rights to work, rest, social security, education, public health services and culture, but this burden becomes « joint sphere » responsibility of the state and citizen. The state now cannot be considered as the basic source of social security guaranteeing wage labor by means of general employment. The citizen is obliged to aspire to material maintenance of and the family by means of enterprise or labor activity. The state incurs social obligations only in some cases, the majority from which is caused by impossibility of independent satisfaction the citizen of its material needs.

Keywords: *social and economic rights and freedom, social state, right to a worthy standard of life, history of constitutionalism.*

Термин «социально-экономический» имеет сравнительно давнее происхождение. Так, А.П. Лопухин в 1882 г. писал о «социально-экономических законах Моисея»¹, Н. Маковский в 1912 г. — о социально-экономических факторах детской преступности²; «социально-экономическое» в дореволюционной литературе нередко противопоставлялось «юридическому», т.е. выделялось в самостоятельную отрасль научного знания или мировоззрения человека³.

В современной науке термин «социально-экономический» представляет собой категорию, указывающую на комбинацию двух взаимосвязанных факторов: «социального» и «экономического», причем термин «социальный» может толковаться как минимум в двух различных смысловых значениях — в широком и узком. В широком смысле «социальный» — это «общественный», связанный с обществом. При таком подходе под «социально-экономическим» понимается нечто «общественно-экономическое», т.е., по сути, экономическое, так как экономика представляет собой общественное явление и органически взаимосвязана с социумом. Возможен больший «акцент» на «общественном»: в этом случае под «социально-экономическим» будет пониматься сущность в основном общественного порядка, взаимосвязанная с экономическими процессами и явлениями.

Но есть и другое, более узкое смысловое значение категории «социальный». Под «социальным» нередко понимается то, что связано с улучшением качества и уровня жизни, достойным существованием в материальном смысле, жизнеобеспечением, защитой от неблагоприятных жизненных ситуаций, обеспечением минимального уровня существования (пища, одежда, жилье, медицинская помощь и т.п.). В этом контексте говорят о «социальной ответственности»⁴, «социальном партнерстве»⁵, «социальной политике»⁶, «социальных проблемах», «социальных приоритетах» и др.

¹ См.: Лопухин А.П. Законодательства Моисея. Исследование о семейных социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемых с юридической точки зрения. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1882. С. 43.

² См.: Маковский Н. Социально-экономические факторы детской преступности в Москве // Дети-преступники: сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей / с предисл. и под ред. Гернет М.Н. М.: Книгоизд-во «В.И. Знаменский и К^о», 1912. С. 12.

³ См.: Бардзский А. Сборник юридических и социально-экономических статей (Приложение к газете «Край» за 1887 год) // Журнал гражданского и уголовного права: Май. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 5. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. С. 95–131.

⁴ См.: Нуртдинова А.Ф. Социальная ответственность бизнеса: правовые аспекты экономической концепции // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 30–46.

⁵ См.: Гаврилов И.Н. Местное самоуправление и социальное партнерство в Нидерландах // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 4. С. 24–26.

⁶ См.: Старшова У.А. Социальная политика как основа функционирования социального государства в России //

Конституционный смысл категории «социальное государство», как было видно из материалов предыдущего параграфа, означает именно это (т.е. узкое, ограниченное) понимание термина «социальный». Следовательно, в этом смысле под «социально-экономической» деятельностью понимаются материальные отношения, связанные с производством, обменом и потреблением материальных благ, товаров, работ и услуг. «Социальный» характер этих отношений обусловлен тем, что общество, с одной стороны, заботится о росте материального благосостояния в целом, с другой — гарантирует определенный уровень социальной справедливости и солидарности, исключая чрезмерную концентрацию богатств, а также обеспечивая жизненный минимум существования тех лиц, которые не в состоянии позаботиться о себе сами (за счет собственных материальных средств и других законных источников частного (негосударственного) происхождения).

Вышеуказанными обстоятельствами предопределяется значение юридической категории «социально-экономические права». Подчеркнем, что ни в одном из конституционных текстов в истории России (включая действующую Конституцию Российской Федерации) не было специального выделения группы социально-экономических прав и свобод человека и гражданина: в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. декларировались «права трудящегося и эксплуатируемого народа»⁷, в Конституции СССР от 31 января 1924 г. права граждан вообще не упоминались⁸, в Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. речь шла об «основных правах и обязанностях граждан» (ст. 118–133)⁹, в Конституции СССР от 7 октября 1977 г. — об «основных правах, свободах и обязанностях граждан» (ст. 39–58)¹⁰, в действующей Конституции Российской Федерации — о «правах и свободах человека и гражданина» (ст. 17–64). Понятие «социально-экономических прав» было, скорее, доктринальным, чем нормативным¹¹.

Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 188.

⁷ См.: Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Утратила силу.

⁸ См.: Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 г. М., 1924. Утратил силу.

⁹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР. 1936. 6 декабря. Утратила силу.

¹⁰ См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617. Утратила силу.

¹¹ См., например: Ледах И.А. Обсуждение проблемы социально-экономических прав на международном форуме // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 138; Маслеников В.А. Роль производственных коллективов в реализации конституционных (социально-экономических) прав советских граждан // Вопросы социалистической конституции. София: Наука и искусство, 1969. С. 157.

При этом в Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. закреплялись в основном права социально-экономической природы: право на труд (ст. 118), право на отдых (ст. 119), право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120), право на образование (ст. 121). Права личного и политического характера отнесались на «периферию» главы X, размещаясь текстуально позже социально-экономических прав (ст. 125–129). Но и каталог «прав граждан» в данной Конституции был весьма ограниченным.

В отличие от этого Конституция СССР от 1977 г. предоставила гражданам более широкие права социально-экономического характера. Это проявлялось, во-первых, в углублении гарантий уже действовавших прав: по смыслу предыдущей Конституции — права на труд (ст. 118), права на отдых (ст. 119), права на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120), права на образование (ст. 121); во-вторых, в появлении принципиально новых конституционных прав: по тексту новой Конституции — на охрану здоровья (ст. 42), на жилище (ст. 44), на пользование достижениями культуры (ст. 46).

Если Конституция СССР от 1936 г. просто закрепляла право на труд, то Конституция СССР от 1977 г. детализировала, что данное субъективное право означает возможность получения «гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством», а также «право на выбор профессии, рода занятий и работы», квалифицирующими признаками чего определялись, во-первых, «призвание», во-вторых, «способности», в-третьих, «профессиональная подготовка и образование», в-четвертых, «общественные потребности»¹².

Аналогичным образом в Конституции СССР от 1977 г., регулируя право на отдых, гарантировала, что рабочая неделя не может превышать 41 часа, в ночное время продолжительность работы должна быть сокращена, предоставляются ежегодные оплачиваемые отпуска, а также дни еженедельного отдыха. Кроме того, право на отдых обеспечивалось «расширением сети» культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, созданием возможностей отдыха по месту жительства и другими условиями «рационального использования свободного времени»¹³.

В соответствии с Конституцией СССР от 1936 г. гарантировалось право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120), в то время как ст. 43 Конституции СССР от 1977 г. устанавливала «право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной

или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца». Иными словами, «потеря» или «утрата» трудоспособности (полагаем, что в данном контексте это — одно и то же) позиционировались как «полная» и «частичная», чего раньше не было в Конституции СССР от 1936 г. Кроме того, новеллой Конституции СССР от 1977 г. явилось утверждение на уровне Основного закона права на материальное обеспечение в случае потери кормильца. Гарантиями этих социально-экономических прав служили системы социального страхования и выплат за счет государства¹⁴, институт трудоустройства граждан с частичной утратой трудоспособности¹⁵, «забота» о престарелых гражданах и инвалидах, другие формы социального обеспечения.

Обратим внимание на особенность юридической терминологии в анализируемых конституционных текстах, которые сегодня утратили правовую силу: под «социальным обеспечением» в Конституции СССР от 1977 г. понималось не только «материальное обеспечение», но и ряд «натуральных», т.е. «нематериальных форм» социального обеспечения: трудоустройство, «забота» и т.п. Однако основная конструкция субъективного права опиралась на термин «материальное обеспечение» (в действующей Конституции Российской Федерации это не так: ст. 39 гарантирует «социальное обеспечение» при тех же, по сути, (и даже дополнительных) признаках: возраст, болезнь, инвалидность, потеря кормильца, воспитание детей). В результате приходится констатировать, что ст. 43 Конституции СССР от 1977 г. имела более четкое юридическое содержание по сравнению с ее современным аналогом, ст. 39 Конституции Российской Федерации. Конституция СССР от 1977 г. гарантировала «материальное обеспечение» в старости, при болезни, утрате трудоспособности и потере кормильца, и лишь в редких случаях — «иные» формы социального обеспечения. Статья 39 Конституции Российской Федерации утверждает более широкое «социальное обеспечение» на все перечисленные (и даже дополнительные) случаи, в то время как в действительности законодатель ограничивается, как правило, «материальным обеспечением» соответствующих категорий граждан.

В целом можно отметить, что советские конституции опирались на сравнительно узкое смысловое значение категории «социально-экономические права» граждан: их нормативный смысл

¹² См.: Толкунова В.Н. Право граждан на труд по Конституции СССР // Труды: Экономические и правовые проблемы управления народным хозяйством: труды ВЮЗИ. Т. 59. М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1978. С. 36–62; Смирнов О. Конституционное право граждан СССР на труд // Социалистическая законность. 1979. № 5. С. 4–6.

¹³ См.: Шалаев С.А. Право на отдых // О правах подлинных и мнимых. М.: Политиздат, 1977. С. 46–57.

¹⁴ См.: Батыгин К.С. Социальное страхование как фактор повышения эффективности общественного труда // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 77–81.

¹⁵ См.: Данукин В.П. Трудоустройство инвалидов — вид социального обеспечения // Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты): труды ВЮЗИ. М.: РИО ВЮЗИ, 1979. С. 118; Дубинцев В. Правовое регулирование трудоустройства инвалидов в СССР // Советская юстиция. 1982. № 12. С. 23–34; Шептулина Н.Н. Правовые вопросы совершенствования организации трудоустройства инвалидов // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. Вып. 10. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1977. С. 120–130.

сводился в основном к правам на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру¹⁶. Действующая Конституция Российской Федерации опирается на принципиально другие теоретико-методологические конструкции. Не отрицая прав на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру, действующий Основной закон гарантирует, прежде всего, свободу предпринимательства и право частной собственности. Исходя из этого государство не освобождается от бремени обеспечения прав на труд, отдых,

социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру, но это бремя становится как бы «общей сферой» ответственности государства и самого гражданина. Государство теперь не может рассматриваться как основной источник социального обеспечения, гарантирующий наемный труд посредством всеобщей занятости. Именно гражданин обязан стремиться к материальному обеспечению себя и своей семьи посредством предпринимательской или трудовой деятельности. Государство берет на себя социальные обязательства лишь в некоторых случаях, большинство из которых обусловлено невозможностью самостоятельного удовлетворения гражданином его материальных потребностей¹⁷.

¹⁶ См.: Мальцев Г.В. Социально-экономические права и свободы граждан СССР и их гарантии // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 115–123; Бондарь Н.С. Социально-экономические права, свободы и обязанности — важнейший элемент конституционного статуса советских граждан // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете конституции СССР 1977 года: Вопросы теории государства и права, государственного и административного права: сборник статей. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. С. 219; Попков В.Д. К вопросу о гарантиях социально-экономических прав граждан в условиях НТР // Конституция СССР и правовое положение личности. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. С. 94.

¹⁷ См.: Чиркин В.Е. Конституционные социально-экономические права человека и гражданина: Россия и зарубежные страны // Гражданин и право. 2010. № 10. С. 3–18; Бароцкая К.Б. Конституционные гарантии социально-экономических прав граждан // Юридические науки. 2006. № 4. С. 40–42; Александрова А.П. Конституционные основы защиты социально-экономических прав граждан в России // Актуальные проблемы правоведения. Научно-теоретический журнал. 2007. № 2(17). С. 44–48.

Литература

1. Александрова А.П. Конституционные основы защиты социально-экономических прав граждан в России / А.П. Александрова // Актуальные проблемы правоведения. Научно-теоретический журнал. 2007. № 2 (17). С. 44–48.
2. Бардзский А. Сборник юридических и социально-экономических статей. (приложение к газете «Край» за 1887 год) / А. Бардзский // Журнал гражданского и уголовного права: Май. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. Кн. 5. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. С. 95–131.
3. Бароцкая К.Б. Конституционные гарантии социально-экономических прав граждан / К.Б. Бароцкая // Юридические науки. 2006. № 4. С. 40–42.
4. Батыгин К.С. Социальное страхование как фактор повышения эффективности общественного труда / К.С. Батыгин // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 77–81.
5. Бондарь Н.С. Социально-экономические права, свободы и обязанности — важнейший элемент конституционного статуса советских граждан / Н.С. Бондарь // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете конституции СССР 1977 года: вопросы теории государства и права, государственного и административного права: сб. ст. / редкол. М.И. Байтин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. 287 с.
6. Гаврилов И.Н. Местное самоуправление и социальное партнерство в Нидерландах / И.Н. Гаврилов // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 4. С. 24–26.
7. Данукин В.П. Трудоустройство инвалидов — вид социального обеспечения / В.П. Данукин // Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты): труды ВЮЗИ / отв. ред. В.С. Андреев. М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1979. 145 с.
8. Дубинец В. Правовое регулирование трудоустройства инвалидов в СССР / В. Дубинец // Советская юстиция. 1982. № 12. С. 23–34.
9. Ледях И.А. Обсуждение проблемы социально-экономических прав на международном форуме / И.А. Ледях // Советское государство и право. 1968. № 4. С. 138.
10. Лопухин А.П. Законодательства Моисея. Исследование о семейных социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемых с юридической точки зрения / А.П. Лопухин. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1882. 321 с.
11. Маковский Н. Социально-экономические факторы детской преступности в Москве / Н. Маковский // Дети-преступники: сб. ст. с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей / с предисл. и под ред. М.Н. Гернет. М.: Книгоизд-во «В.И. Знаменский и К^о», 1912. 55 с.
12. Мальцев Г.В. Социально-экономические права и свободы граждан СССР и их гарантии / Г.В. Мальцев // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 115–123.
13. Масленников В.А. Роль производственных коллективов в реализации конституционных (социально-экономических) прав советских граждан / В.А. Масленников // Вопросы социалистической конституции / В.Ф. Коток, Д.Л. Златопольский, М.А. Шафир и др. София: Наука и искусство, 1969. 400 с.
14. Нуртдинова А.Ф. Социальная ответственность бизнеса: правовые аспекты экономической концепции / А.Ф. Нуртдинова // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 30–46.
15. Попков В.Д. К вопросу о гарантиях социально-экономических прав граждан в условиях НТР / В.Д. Попков // Конституция СССР и правовое положение личности. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. 174 с.
16. Смирнов О. Конституционное право граждан СССР на труд / О. Смирнов // Социалистическая законность. 1979. № 5. С. 4–6.

17. Старшова У.А. Социальная политика как основа функционирования социального государства в России / У.А. Старшова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 188–191.
18. Толкунова В.Н. Право граждан на труд по Конституции СССР / В.Н. Толкунова // Экономические и правовые проблемы управления народным хозяйством : труды ВЮЗИ. Т. 59. М. : РИО ВЮЗИ, 1978. 144 с.
19. Чиркин В.Е. Конституционные социально-экономические права человека и гражданина: Россия и зарубежные страны / В.Е. Чиркин // Гражданин и право. 2010. № 10. С. 3–18.
20. Шалаев С.А. Право на отдых / С.А. Шалаев // О свободах подлинных и мнимых : сб. / сост. В.А. Сырокомский. М. : Политиздат, 1977. 173 с.
21. Шептулина Н.Н. Правовые вопросы совершенствования организации трудоустройства инвалидов / Н.Н. Шептулина // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды. Вып. 10. М. : Изд-во ВНИИСЗ, 1977. С. 120–130.

РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

*Рожнева Светлана Сергеевна,
доцент Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводского государственного университета,
кандидат политических наук
rozhneva@mail.ru*

В статье автор анализирует практики межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и общества и ставит цель изучить роль второго сектора в осуществлении социальной политики на примере школьного образования в Республике Карелия. Исследуются вопросы функционирования негосударственных коммерческих организаций в реализации образовательной политики в приграничном регионе северо-запада России.

В итоге проведенного анализа делается вывод, что коммерческие организации, осуществляющие работу по образовательным программам в Республике Карелия, слабо представлены в трехсторонних взаимоотношениях, что отражается на качестве образования в регионе в целом. Этому в немалой степени способствуют экономическая ситуация в Карелии и вызванные ею высокие темпы как внутренней, так и внешней миграции. В заключение автор полагает, что наиболее активное привлечение второго сектора в реализации социальной политики в вопросах школьного образования в Республике Карелия будет позитивно отражаться на качестве образования. Однако решение сложившейся проблемы невозможно без участия государства, которое способно в наибольшей степени стимулировать трехсторонние взаимоотношения власти, бизнеса и гражданского общества.

Ключевые слова: негосударственные коммерческие организации, образовательная политика, Республика Карелия, межсекторное взаимодействие, школьное образование, гражданское общество.

The Role of Private Commercial Organizations in Implementation of the Educational Policy in the Republic of Karelia

*Rozhneva Svetlana S.
Associate Professor of the Institute of History, Political
and Social Sciences of the Petrozavodsk State University
Candidate of Political Sciences*

The author analyses practices of the cross-sectoral cooperation between the state, business and society. The aim is to study the role of the second sector in the implementation of social policy on the example of schooling in the Republic of Karelia. The questions of functioning of non-governmental businesses in the realization of educational policy in the border region of North-West Russia are investigated.

In conclusion the author considers that the commercial organizations working on educational programs in the Republic of Karelia are poorly represented in the tripartite relationship. This affects the quality of education in the region. Due to the economic situation in Karelia and the high rates of internal and external migration caused by it. As a result, the author believes that the most active involvement of the second sector in the implementation of social policy in schooling in the Republic of Karelia will have a positive impact on the quality of education. However, the solution to this problem is impossible without the participation of the state. It can develop relationships between government, business and civil society.

Keywords: non-governmental businesses, educational policy, Republic of Karelia, cross-sectoral cooperation, schooling, civil society.

Актуальность исследуемой проблематики вызвана необходимостью научного осмысления вопросов публично-властного взаимодействия в условиях

коммуникативных практик управления общественными процессами. Реализация образовательной политики в приграничном регионе Республики Карелия

осуществляется в контексте общероссийских тенденций, но при этом наблюдаются и собственные черты ее осуществления на территории региона.

Выбор сферы образования обусловлен тем, что оно напрямую влияет не успешность реализации как национальной, так и социальной политики в стране. Следует подчеркнуть, что для комплексного воплощения в жизнь основных принципов российского образования необходимо учитывать работу не только государственных образовательных учреждений, но и роль негосударственного сектора, который оказывает содействие в усвоении обучающимися школьных образовательных программ.

В то же время трансформация существующих практик взаимодействия общественных и государственных институтов определяется современной доктриной государственного управления. Одной из задач общественно-политической повестки является создание целостной системы, обеспечивающей включенность широких слоев общественности в процессы принятия государственных решений, развития общественно-политической коммуникации на принципах сетевого взаимодействия. При этом реализация новых форм публично-властного диалога рассматривается как важнейший инструмент, обеспечивающий национальную и социетальную безопасность, проявляющуюся в условиях нарастающей сложности социального бытия и вызовов внешней среды.

Реализация образовательной политики в современной России определяется, с одной стороны, нарастающей актуальностью традиционных проблем, связанных с социальным благополучием населения, с другой стороны, с появлением новых социальных вызовов, отчасти обусловленных стремительным технологическим прогрессом.

Основные принципы Российского образования, заявленные в федеральном законе¹, задают вектор межсекторному взаимодействию государства, бизнеса и общества в целях улучшения качества образования в стране, что напрямую способствует развитию государства и общества.

Выбор одного из субъектов Северо-западного федерального округа Республики Карелия определяется стратегическим характером региона, испытывающим социально-экономические трудности на данном этапе. Специфика географического расположения республики, ее границы со странами Европейского Союза направлены на взаимовыгодное сотрудничество между государствами в Северной Европе в рамках реализации политики «Северного измерения». Карелия — это одна из северных территорий, где реализуется экономическая, социальная и культурная политика «Северного измерения». В немалой степени это оказывает влияние и на ментальные установки жителей республики, выражающиеся в позитивном

восприятию ценностей демократии. Кроме того, расширение Арктической зоны Российской Федерации за счет Беломорского, Кемского и Лоухского районов республики в 2017 г. актуализирует значимость данного региона для страны.

Акцентирование внимания на системе школьного образования обусловлено его обязательностью. Кроме того, школа является необходимым звеном для получения в будущем профессионального образования гражданами страны. И если среднее образование 9 классов получает все население, то среднее общее (полное) образование начинает граничить с мотивационными установками обучающихся. Как правило, на данном этапе увеличивается потребность в дополнительной подготовке к сдаче ЕГЭ. Именно в этот момент родители выпускников начинают искать репетиторов, обращаться в различные центры дополнительной подготовки к ЕГЭ. Это свидетельствует о том, что уровень доверия к работе учителей на завершающем этапе получения школьного образования снижается.

Однако низкий уровень жизни в Карелии вызывает опасения для полноценного развития институтов гражданского общества и их беспомощности в области осуществления социальной политики в регионе. Дотационный статус республики не дает в полной мере развиваться коммерческому сектору, в том числе тормозит создание негосударственных организаций, содействующих оказанию услуг дополнительной подготовки по школьным образовательным программам на платной основе.

Республика Карелия не относится к числу лидеров тех регионов Российской Федерации, в которых выпускники демонстрируют высокие результаты единого государственного экзамена по школьным предметам. Анализируя результаты ЕГЭ на официальном Интернет-портале² республики, было выявлено, что за период с 2010 по 2017 гг. по немецкому, французскому языкам и обществознанию в Карелии никто из выпускников не набирал 100 баллов. Только по русскому языку обучающиеся ежегодно достигали 100-балльных отметок. В немалой степени это свидетельствует об элементах кризиса в системе школьного образования в регионе. Со стороны федерального центра делаются попытки по решению проблемы в республике. К настоящему времени министерство образования Республики Карелия участвует в реализации нескольких федеральных программ, получая субсидии из федерального бюджета³.

Анализ данных программ позволяет судить о том, что в основном субсидирование получают проекты, направленные на поддержание дошкольного и школьного образования, а также учреждений

¹ Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. (с изм. 2018 г.) «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 30.06.2018).

² Единый Государственный экзамен в Республике Карелия. URL: <http://ege.karelia.ru/Stats.aspx> (дата обращения: 07.08.2018).

³ Участие в целевых и иных программах // Министерство образования Республики Карелия. URL: http://minedu.karelia.pro/Uchastie_v_programmah (дата обращения: 30.06.2018).

дополнительного образования. Обращается внимание на доступность дополнительного образования в сельской местности и возможности развития ребенка в области культуры и спорта. Вместе с тем отсутствуют официальные данные: каким образом реализуются подобные направления? Причем если с культурой и спортом в регионе стабильная ситуация благодаря государственным программам и дополнительному финансированию этого вида деятельности, то что касается старшей школы, — дополнительных дотаций со стороны федерального центра на подготовку обучающихся к ЕГЭ не предусмотрено.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия, в 2018 г. в структуре объема платных услуг населению продолжают преобладать коммунальные, транспортные, телекоммуникационные и жилищные услуги⁴. Процент платных образовательных услуг весьма незначителен. При этом он включает в себя услуги, оказываемые населению, в том числе государственными и муниципальными образовательными учреждениями. Официальных данных относительно той доли платных услуг, которая приходится на коммерческие образовательные организации в регионе, найти не представляется возможным.

В то же время полагаем, что подобные негосударственные учреждения в немалой степени способствуют повышению качества образования. В связи с чем целью настоящего исследования является изучение той роли, какую играют негосударственные коммерческие организации в осуществлении образовательной политики в Республике Карелия.

Исследовательской гипотезой представляется тот факт, что проблемы, с которыми сталкивается осуществление образовательной политики в Республике Карелия, вызваны целым рядом причин, одной из которых является неразвитость коммерческого сектора, оказывающего образовательные услуги в системе школьного образования. Качество системы образования зависит не только от государственного субсидирования, но и от реальных возможностей публично-властного диалога, когда широкие слои общественности реально включены в процесс принятия решений. Однако зачатки новых официальных практик взаимодействия в республике наблюдаются только в городе Петрозаводске, что свидетельствует о серьезных проблемах в трехсторонних взаимоотношениях и в целом приводят к снижению уровня социального доверия к школьному образованию в Карелии.

Данное обстоятельство позволяет по-новому рассматривать деятельность коммерческого сек-

тора в оказании платных образовательных услуг. Проведенный мониторинг в июне 2018 г. позволил систематизировать данные по количеству негосударственных образовательных учреждений, функционирующих на территории Республики Карелия. К настоящему моменту в Карелии зарегистрировано 89 негосударственных образовательных учреждений⁵, осуществляющих работу с гражданами дошкольного и школьного возрастов. 30% данных организаций представлено в городе Петрозаводск. Явное доминирование институтов второго сектора в Петрозаводском городском округе выявляет проблему качества образования в сельской местности, где традиционно для республики уровень знаний выпускников школ ниже, нежели в городе Петрозаводск. Полагаем, что это вызвано следующими основными причинами.

Во-первых, в контексте теории неокорпоративизма⁶ на данный момент наблюдаются правовые трудности с определением правового статуса негосударственных коммерческих образовательных организаций. Несмотря на то, что это группы интересов с социально-ориентированным характером по оказанию образовательных услуг под федеральное законодательство о некоммерческих организациях и, соответственно, льготы и дотации со стороны государства они не попадают в силу осуществления ими предпринимательской деятельности. Подобные трудности приводят к тому, что негосударственные коммерческие образовательные учреждения не имеют никаких преференций ни с точки зрения регистрации, ни с точки зрения отчетности о своей деятельности по сравнению с другими коммерческими структурами. В связи с чем говорить о каких бы то ни было адекватных формах сотрудничества между властью, бизнесом и обществом не приходится. Данный сектор, несмотря на необходимость в платных образовательных услугах у жителей Карелии, никак не задействован в реализации образовательной политики в регионе.

Во-вторых, в городах в целом и только в Петрозаводске в частности официально функционируют центры подготовки обучающихся по всем школьным предметам на платной основе. Это способствует увеличению качества образования в городах, нежели в сельской местности. Проблема заключается также и в том, что на селе некоммерческие образовательные учреждения практически не регистрируются в силу низкого числа жителей, проживающих там, и стареющим характером демографической структуры в условиях высоких темпов миграционной активности населения из сел в города.

⁴ Рынок платных услуг населению // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/c087628044d895209803fd20d5236cbc/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA+%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3.pdf (дата обращения: 04.08.2018).

⁵ Реестр образовательных учреждений дополнительного образования Республики Карелия // Информационно-методический портал «Дополнительное образование Республики Карелия». URL: <http://dopobraz-karelia.ru/index.php/baza-dannykh/reestr-uchrezhdenij-dopolnitelnogo-obrazovaniya-karelii> (дата обращения: 30.06.2018).

⁶ См.: Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политические исследования. 1997. № 2. С. 14–22.

Все это позволяет констатировать тот факт, что коммерческие организации, осуществляющие работу по образовательным программам в Республике Карелия, слабо представлены в трехсторонних взаимоотношениях. Развитие рынка неофициальных репетиторских услуг, с одной стороны, показывает снижения доверия родителей к школьному образованию, полагающих, что учителя не могут в достаточной мере подготовить их ребенка к поступлению в средние профессиональные и высшие образовательные учреждения. С другой стороны, такая тенденция демонстрирует проблемы, связанные с трудностями регистрации и дальнейшего развития коммерческого образовательного сектора на территории региона. По понятным причинам индивидуальные репетиторы официально не заявляют о своей деятельности. При этом только в городе Петрозаводске функционируют коммерческие организации, имеющие официальный статус регистрации, реализующие программы дошкольного и школьного образования. В остальных муниципальных образованиях Республики Карелия зарегистрированы учреждения, осуществляющие дополнительную подготовку в области музыкального, художественного и спортивного образования. В последнем случае это оправдывается реализуемыми государственными программами в Карелии, когда создаются организации, осуществляющие дополнительную образовательную подготовку как на безвозмездной, так и на коммерческой основе. Более того, в сельской местности коммерческий сектор практически не представлен, что вызвано и

низким уровнем жизни жителей республики, не способных оплачивать дополнительные образовательные услуги. Из-за экономических проблем в регионе следует учитывать немаловажный факт низкой трудовой мотивации школьных учителей, что напрямую отражается на качестве представляемых ими образовательных услуг.

В итоге, с нашей точки зрения, привлечение второго сектора в реализации образовательной политики в Республике Карелия будет способствовать улучшению качества образования в целом в регионе. Необходимость развития рынка официальных коммерческих услуг не только в городах, но и в сельской местности позволит минимизировать проблемы, с которыми сталкивается реализация образовательной политики в Республике Карелия. Снижающееся качество образования в регионе можно было бы повысить в том числе за счет деятельности негосударственных образовательных учреждений, функционирующих на платной основе. Но трудоемкость регистрации коммерческих организаций, сложные формы отчетности, тяжелое налоговое бремя, низкий уровень жизни в Карелии и т.п. свидетельствуют о том, что роль негосударственного коммерческого сектора в реализации образовательной политики в регионе незначительна. Все это снижает активность работы институтов гражданского общества, что проявляется и в низком уровне доверия со стороны населения в целом к системе российского образования, и к образованию в Карелии в частности.

Литература

1. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер // Политические исследования. 1997. № 2. С. 14–22.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

ОПЫТ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И ПОДДЕРЖАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

*Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор
pkobets37@rambler.ru*

Предметом исследования послужил анализ положительного опыта деятельности полицейских подразделений Польши по поддержанию правопорядка и охраны общественной безопасности с участием населения. Сегодня Польша входит в пятерку государств, в которых в условиях нового тысячелетия была проведена полицейская реформа, давшая неплохой положительный результат. Раскрывая особенности стратегии, стоящей за современными подходами по формированию, построению и совершенствованию механизма обеспечения общественного порядка с привлечением населения, автор продемонстрировал ее эффект на рост доверия населения к полиции. Исследуя практику полицейских подразделений Польши, автор склонен полагать, что наработки по поддержанию общественного порядка с привлечением населения способны упрочить взаимоотношения между полицией и гражданским обществом. Опыт польской полиции по взаимодействию с населением будет интересен российским правоохранителям и, в первую очередь, сотрудникам МВД России.

Ключевые слова: Европейский Союз, Республика Польша, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности, полиция, зарубежный опыт, общественность, гражданское общество.

Experience of Police of the Republic of Poland in Interaction with the Civil Society in Protection of Law and Order and Security Maintenance

*Kobets Petr N.
Chief Research Scientist of the National Research Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The subject of the study was the analysis of the positive experience of the Polish police units in maintaining law and order and public security with the participation of the population. Today, Poland is among the five countries in which the police reform was carried out in the context of the new Millennium, which gave a good positive result. Revealing the features of the strategy behind modern approaches to the formation, construction and improvement of the mechanism of public order with the involvement of the population, the author demonstrated its positive effect on the growth of public confidence in the police. Studying the practice of police units in Poland, the author tends to believe that the achievements in maintaining public order with the involvement of the population can strengthen the relationship between the police and civil society. The experience of the Polish police in interaction with the population will be of interest to Russian law enforcement officers and, first, employees of the Russian interior Ministry.

Keywords: European Union, Republic of Poland, public order protection, security, police, foreign experience, public, civil society.

Отечественные исследователи уже неоднократно высказывали свою позицию относительно того, что правоохранительные органы без всесторонней поддержки гражданского общества не могут в полной мере противодействовать преступным проявлениям и эффективно охранять общественный порядок¹. Только активизация деятельности правоохранительных органов и граждан может привести к более эффективному результату. Эта мысль нашла свое отражение в работах многих отечественных ученых².

Сегодня в большинстве государств-членов Европейского Союза (далее — ЕС) полиция отказывается от военной модели в управлении полицейской организацией и предпочитает следовать модели гражданского учреждения. Это позволяет полицейским подразделениям стран ЕС гораздо результативнее влиять на большинство социальных групп гражданского общества. Не является исключением и польская полиция. В средствах массовой информации в последнее время активно обсуждается польский опыт участия населения в охране общественного порядка. Постараемся детально рассмотреть предпосылки этого феномена.

Так же, как это происходило в большинстве стран Центральной и Восточной Европы после

образа жизни населения // Российский следователь. 2006. № 10. С. 39.

¹ См.: Овчинникова А.И., Попова Н.Ф. К вопросу привлечения общественных объединений к охране общественного порядка // Российский следователь. 2006. № 10. С. 41.

² См.: Борбат А.В. Проблемы формирования системы профилактики правонарушений и обеспечения порядка в муниципальных образованиях с учетом особенностей

падения коммунистического режима на рубеже 1980–1990 гг., в Республике Польша (далее — Польша) начался новый этап социально-экономического развития³. После реформ местного самоуправления, которые оказали огромное значение на функционирование гражданского общества, Польша стала одной из первых стран Восточной Европы, в которой политические элиты взяли на себя всю ответственность за реформирование страны⁴. Наряду с позитивными изменениями в политике и экономике страны возникли также и патологические явления, которые вызвали значительный рост преступности, в том числе организованной. Вне зависимости от того, что сегодня Польша признана довольно безопасным государством в сравнении с некоторыми западноевропейскими странами, новые формы и виды преступлений, присущие большим городам, существенно оказали воздействие на понижение индивидуального восприятия безопасности у гражданского общества.

Изучение данных статистики и ряда научных публикаций, характеризующих состояние преступности в Польше в конце прошлого столетия и начала нового тысячелетия, позволяют утверждать, что в этот период наблюдался резкий рост численности организованных преступных сообществ, для которых был характерен высокий уровень преступной подготовленности участников организованных преступных формирований⁵. Важно также отметить, что в результате отмеченных процессов произошел скачек групповой преступности, тщательно спланированной и организованной. Польскую организованную преступность также отличало появление разнообразных видов притуплений от незаконного оборота химических и ядерных материалов до организации незаконной миграции и трансграничной преступности⁶.

Прозрачные границы стран ЕС и удобное географическое расположение государства и в настоящее время позволяют многим преступлениям, совершаемым польскими организованными преступными группами, оставаться наиболее распространенными в ЕС, как, например, перегон похищенного автотранспорта из стран Западной Европы в государства Восточной Европы⁷.

³ См.: Вятр Е. Местные элиты и демократические перемены Польша, 1990–2002 гг. // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 16.

⁴ См.: Глебов В.А., Макухин А.В. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в Республике Польша // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 117.

⁵ См.: Шиманоский Т. Преступность в Польше в 1997–2005 годах // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 612.

⁶ См.: Хворостяний М.В. Новое уголовное законодательство Польши о борьбе с организованной преступностью // Правова Держава. 2003. № 6. С. 179.

⁷ См.: Ляковска К. Изменения преступности в Польше и их причины // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 1(5). С. 18.

В сложившейся ситуации в польской полиции, впрочем, как и в большинстве полицейских подразделениях других стран, получили популярность идеи конца XIX в. о том, что полицейский является частью общества, и оно воспроизводит и генерирует надлежащую ему полицию. Однако давно известно, что среди населения и полицией всегда присутствует устоявшийся психологический барьер, потому что большинство членов общества воспринимает полицию как правоохранительный орган исполнительной власти, созданный для принуждения населения к соблюдению норм права.

Но вот полиция Польши настроена выполнять свои профессиональные обязанности только в обстановке сотрудничества на правах партнеров с населением, которое проживает на обслуживаемой ими территории, или же с посланниками, которые делегированы гражданским обществом. В свою очередь, в Польше представители различных профессий сотрудничают или принимают участие в работе различных общественных объединений.

Помимо этого, в стране функционируют различные общественные организации, связанные с культурным наследием, социальным обеспечением граждан и др., целью деятельности которых к дополнению к их основным обязанностям является работа, направленная на противодействие преступности. В сложившейся ситуации польское гражданское общество доверяет полиции как единственному правоохранительному органу, который отвечает за охрану их общественного порядка безопасностью⁸.

Сегодня финансовые ресурсы польского государства ограничены, поэтому руководство страны полагает, что в сложившейся ситуации необходимо задействовать другие способы, направленные на противодействие преступным проявлениям, а не только увеличивать численность персонала полиции и ее оснащение. В этой связи логично, что граждане проявляют в большей степени единодушие относительно надобности совместной работы полиции и населения в охране общественного порядка и обеспечении безопасности⁹.

Совершенно понятно, что полиция должна рассчитывать на поддержку лишь тех групп населения или частей общества, которые демонстрируют социальную активность. Обладает гражданское общество такой чертой или нет, зависит как от его исторического развития, так и от современного состояния. И, наверное, не случайно сегодня некоторая часть польского населения оказывается более активной, нежели другая. С другой стороны, приобщение разнообразных слоев гражданского общества к практике противодействия преступности предполагает

⁸ См.: Ляковска К. 25 лет существования организованной преступности в Польше с ней // Общество и человек. 2014. № 3(9). С. 57.

⁹ См.: Чувство безопасности граждан в Польше. Идентификация и противодействие современным угрозам / под ред. Эвы М. Гузик-Макарук. Варшава : Волтерс Клувер бизнес, 2011. С. 76.

осуществление достаточно продолжительной работы, которая поможет людям осмыслить и уяснить необходимость задействования их в мероприятиях по оказанию помощи полиции. В такой ситуации гораздо проще получить поддержку от большинства социальных групп. Более того, рассматриваемые мероприятия — государственные программы — рассчитаны на поддержку организаций и учреждений с различной формой собственности, в них участвуют как государственные банки, так и страховые компании и др.

Очень важно сказать о том, что постоянная синхронизация действий польских полицейских подразделений с общественностью, выражающаяся в неодобрении противоправных действий со стороны правонарушителей, оказывает серьезное воздействие на тесное и плодотворное сотрудничество полиции и граждан¹⁰.

Со времени создания польской полиции в 1990-х гг. наблюдается постоянный рост к ней доверия населения. В 1993 г. он достиг уровня 74%, немного снизился в следующие годы, но в условиях нового тысячелетия ниже 70% не опускается. В сравнении с остальными польскими службами, осуществляющими уголовное правосудие, полицейские органы оказались ближе к населению¹¹.

В современной Польше большинство граждан активно сотрудничают с полицией и высказывают желание и в дальнейшем поддерживать ее работу. Причиной такой ситуации может быть и неизменная активность многих людей. В таких условиях нетрудно создать подходящий механизм взаимодействия между поляризованным обществом и полицией. Гражданское общество оказывает помощь полиции не из их страха и беспокойства, а прежде всего потому, что оно верит в эффективность борьбы с преступностью полицейских. В свою очередь, польская полиция планирует свою профилактическую работу с обязательным использованием опросов общественного мнения о проделанной ею работой. В своей каждодневной деятельности полицией делается акцент на укрепление степени безопасности всего населения и на всей территории страны.

С 1995 г. полиция Польши активно проводит в жизнь программу, направленную на предупреждение преступлений, которая называется «Безопасный город». По мнению разработчиков указанной программы, с самого начала ими не ставилась цель снятия с полицейских подразделений ответственности за эффективное выполнение задач правоохранительной

направленности. Наоборот, задача состояла в создании необходимого нового качественного уровня поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности силами полиции, на такой новый уровень, который будет ориентирован на все общество, учитывающий все его требования и пожелания.

За несколько лет большинство общественных инициатив было включено в работу 43 польских округов. Их целью было предупреждение преступности и снижение преступных проявлений. Также неплохой иллюстрацией работы по противодействию преступности служит разработанная и принятая для исполнения программа, которую назвали «Диалог». Впервые ее реализация стала осуществляться в г. Белостоке в восточной части Польши. Она послужила некой основой по созданию реального взаимодействия граждан и полиции по борьбе с преступностью. Еще в одном польском городе — Кракове — во исполнение программы под названием «Темпус РССДЕ» общественность занимается просветительской деятельностью и вовлечением подрастающего поколения в работу по предупреждению преступности. В современной Польше есть еще немало всяческих начинаний предупредительного плана, осуществляемых полицией и ориентированных на подрастающее поколение, таких как программы «Безопасный ребенок», «Безопасный ученик» и др.

В процессе работы в рамках программ предупреждения преступности основной акцент польскими полицейскими делается на активизацию небольших коллективов граждан в рамках одного двора или района. Главная задача этих проектов выражается в необходимости положить конец ощущению моральной потерянности у людей, живущих в одном подъезде или доме, и установления прочных общественных связей в форме охранных групп (следуя британскому варианту «Присмотри за домом соседа»).

Важнейшим направлением по активизации сотрудничества полиции и населения стал запуск ряда профилактических программ по развитию взаимодействия польских полицейских с органами муниципальной власти и различными институтами гражданского общества. При активной поддержке органов исполнительной власти в Польше запущен проект под названием «открытый участок». Основная задача указанного проекта состоит в том, чтобы полицейские участки могли в любое время посещать все желающие граждане. В таких условиях работа польских правоохранителей становится еще более открытой для населения.

Также вызывает большой интерес активно функционирующая программа «Познакомься со своим полицейским». Ее суть состоит в том, что жители обслуживаемого полицией участка могут узнать из средств массовой информации о полицейском, который отвечает за охрану их территории. Полицейские проводят встречи с населением по месту учебы и жительства, ведут профилактическую работу. Жители получают любой доступ к общению с полицией. В итоге сотрудники полиции становятся публичными

¹⁰ См.: Бегова К.С. Организованная преступность в Беларуси и Польше: современное состояние и перспективы развития // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы III Международной научно-практической конференции. 2014. С. 7.

¹¹ См.: Кобец П.Н. Особенности процесса реформирования полицейских органов Республики Польша (опыт и проблемы) // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 59–63.

людьми, а вся деятельность полиции (кроме оперативно-розыскной работы) более прозрачной и открытой для общества.

В итоге гражданское общество стало больше доверять полиции, произошло повышение ее имиджа в глазах большинства населения. Так, по результатам опроса Центра по изучению общественного мнения Польши в 2017 г., основная масса опрошенного населения полагает, что Польша — это страна, в которой живет благополучно. Из всех оцениваемых субъектов системы уголовного правосудия полицейская структура находится на четвертом месте. В течение последних трех лет индикатор уровня доверия населения к полиции составляет 72%¹².

¹² Оценка Полиции выше других учреждений системы уголовного правосудия. URL: <http://www.policja.pl/pol/aktualnosc/123998,Policja-najlepiej-oceniana-formacja-mundurowa.html> (дата обращения: 06.12.2018).

В заключение необходимо отметить, что деятельность по привлечению гражданского общества к охране правопорядка таит в себе большой потенциал. Так, на примере Польши мы видим, как в условиях начала нового тысячелетия произошли радикальные перемены в деятельности по взаимодействию полиции с населением. С одной стороны, полиция приняла ряд инициатив в рамках политики, направленной на предупреждение преступности, а с другой стороны, гражданское общество приступило — самостоятельно или в сотрудничестве с полицией, местными органами власти и общественными организациями — к активным действиям, направленным на защиту общественного порядка по месту жительства. Польское население осознало, что одна полиция без поддержки и помощи со стороны населения не в состоянии эффективно защищать гражданское общество от преступности.

Литература

1. Бегова К.С. Организованная преступность в Беларуси и Польше: современное состояние и перспективы развития / Бегова К.С. // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы III Международной научно-практической конференции (г. Могилев, 27 февраля 2014 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.П. Шкаплеров. Могилев : Изд-во Могилевского ин-та МВД Республики Беларусь, 2014. С. 7–8.
2. Борбат А.В. Проблемы формирования системы профилактики правонарушений и обеспечения порядка в муниципальных образованиях с учетом особенностей образа жизни населения / А.В. Борбат // Российский следователь. 2006. № 10. С. 39–42.
3. Вятр Е. Местные элиты и демократические перемены Польша, 1990–2002 гг. / Е. Вятр // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 15–21.
4. Глебов В.А. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в Республике Польша / В.А. Глебов, А.В. Макухин // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 114–122.
5. Кобец П.Н. Особенности процесса реформирования полицейских органов Республики Польша (опыт и проблемы) / П.Н. Кобец // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 59–63.
6. Ляковска К. 25 лет существования организованной преступности в Польше с ней / К. Ляковска // Общество и человек. 2014. № 3(9). С. 54–61.
7. Ляковска К. Изменения преступности в Польше и их причины. Вестник Орловского государственного университета / К. Ляковска. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 1(5). С. 17–26.
8. Овчинникова Л.И. К вопросу привлечения общественных объединений к охране общественного порядка / Л.И. Овчинникова, Н.Ф. Попова // Российский следователь. 2006. № 10. С. 39–42.
9. Хворостяний М.В. Новое уголовное законодательство Польши о борьбе с организованной преступностью / М.В. Хворостяний // Правова Держава. 2003. № 6. С. 176–181.
10. Чувство безопасности граждан в Польше. Идентификация и противодействие современным угрозам / под ред. Эвы М. Гузик-Макарук. Варшава : Волтерс Клаувер бизнес, 2011. 383 с.
11. Шиманоский Т. Преступность в Польше в 1997–2005 годах / Т. Шиманоский // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 610–619.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ В ГОРОДАХ УРАЛА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОТВЕТ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

*Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна,
ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор исторических наук
apkarimova@mail.ru*

В статье рассматривается исторический опыт реализации идеи трудовой помощи на Урале в конце XIX — начале XX вв. На примере открытия домов трудолюбия, справочных бюро для людей, нуждающихся в работе, а в дальнейшем бирж труда анализируется феномен общественной благотворительности. В данном исследовании используется институциональный подход для осмысления эволюции трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX вв. Общественные инициативы в этом направлении анализируются в контексте социальной политики государства.

Ключевые слова: Урал, город, дома трудолюбия, трудовая помощь, благотворительность, биржа труда.

Public Initiatives and Evolution of Labor Assistance Institutions in Ural Cities from the Late XIX to the Early XX Century: A Response to Social Challenges of the Modern Times

*Kazakova-Apkarimova Elena Yu.
Leading Research Scientist of the Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Doctor of History*

The article discusses the historical experience of the implementation of the idea of labor assistance in the Urals at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century. For example, the opening of Industrial Homes, information bureaus for people in need of work, and further labor exchanges analyze the phenomenon of public philanthropy. The institutional approach is used to understand the evolution of labor assistance in the cities of the Urals at the end of the nineteenth and early twentieth centuries in this study. Public initiatives in this direction are analyzed in the context of the social policy of the state.

Keywords: Ural, city, Industrial Homes, labor assistance, charity, labor exchange.

История трудовой помощи в позднеимперской России являлась предметом специального внимания историков. Одним из первых исследователей данной темы стала А. Линденмайер, в фокусе ее исследовательского внимания оказался феномен домов трудолюбия. Историк рассматривает истоки идеи трудовой помощи в России в контексте эволюции благотворительности, проводя параллели с Западной Европой и Америкой. Автор подчеркивает, что знание европейского опыта не вело к копированию европейских моделей. Дома трудолюбия в России как специализированная форма благотворительности приобретали свою уникальность и специфику, выполняя широкий спектр благотворительных функций, не ограничиваясь собственно оказанием трудовой помощи. Особого внимания, по мнению зарубежного коллеги, заслуживает вопрос о моральной реабилитации, осознаваемый общественными деятелями. Подводя итоги, Линденмайер подчеркнула, что

идея трудовой помощи прочно укоренилась на российской почве, будучи популярной далеко за пределами Санкт-Петербурга. По всей России создавались дома трудолюбия, численность которых со временем достигла 150¹.

Для реконструкции исторической картины их деятельности нужны региональные исследования. О.В. Динеева на примере Москвы, подчеркивая сложность и противоречивость обусловленных позднеимперской урбанизацией социально-экономических процессов в крупных российских городах, пишет о новых задачах, стоявших перед городскими властями и общественностью. Действительно, социальные вызовы в российских городах (и столичных, и провинциальных) усилились в процессе капиталистического

¹ Lindenmeyr A. Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia // The Russian Review. Vol. 45. 1986. No. 1. P. 1–22.

* Статья подготовлена в рамках Проекта фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН на 2018–2010 гг. «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления».

развития России, речь идет о таких явлениях, как безработица, жилищный кризис, бедность и нищенство. Ответом на социальные вызовы современности стали многочисленные благотворительные учреждения, призванные если не преодолеть, то хотя бы уменьшить социальные трудности. В Москве с 1836 г. действовал рабочий дом, задачей которого являлось принудительное призрение нищих, бродяг и беспаспортных. В конце XIX в. городское общественное управление Москвы перешло к предупредительной, а не карательной форме борьбы с нищенством посредством учреждения дома трудолюбия, куда принимались желающие получить трудовую помощь и материальную поддержку на добровольных началах. О.В. Динеева, несмотря на постоянный рост призреваемых в доме трудолюбия в Москве, указала на малоэффективность этой системы трудовой помощи; ее ограниченные возможности проявились особенно в период всплеска безработицы конца 1905 — начала 1906 гг.²

Недостаточно исследована история домов трудолюбия и других институтов трудовой помощи в российской провинции. Между тем вопросы бедности, нищенства и трудоустройства стояли здесь не менее остро. Е.Е. Белкина на примере открытия о. Иоанном Кронштадтским рабочего дома в г. Калуге в 1895 г. и его последующей деятельности аргументированно доказала его востребованность, пользу для жителей Калуги и губернии, эффективность (в том числе и финансовую) его работы. Автор не разграничивает термины «Рабочий дом» и «Дом трудолюбия», по сути рассматриваемое благотворительное заведение в Калуге являлось домом трудолюбия, учитывая принцип добровольности пребывания в нем, хотя первоначально мотивы его создания были несколько иными, сохранилось его исходное название³. Подобные примеры относительно успешного функционирования домов трудолюбия, как и в целом их эволюция в российских регионах, заслуживают дальнейших специальных научных исследований.

Цель предлагаемой статьи — показать значение общественных инициатив в процессе становления институтов трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX вв., ставших ответом на социальные вызовы современности.

Впервые в России дом трудолюбия появился в Кронштадте по инициативе о. Иоанна Сергиева. Его открытие состоялось 12 октября 1882 г. В нем, по словам И.К. Сурского, автора жития отца Иоанна Кронштадтского, «безработные и праздные люди

могли бы заработать себе дневное пропитание, ночлег и немного денег». Сегодня это учреждение назвали бы примером социального предпринимательства, а в конце XIX в. использовалась другая лексика — благотворительность. Отец Иоанн Кронштадтский писал: «Это прямо благотворительное заведение: разве не доброе, не гуманное дело спасать людей от лени, праздности, апатии, тунеядства?»⁴ При доме трудолюбия имелась домовая церковь во имя св. Александра Невского для удовлетворения духовных потребностей призреваемых.

В 1895 г. императрицей Александрой Федоровной было создано Попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах. Попечительство разработало единый устав и правила для обществ, организуемых дома трудолюбия с целью предоставления трудовой помощи нуждающимся лицам. Дома трудолюбия стали появляться во многих российских городах, успешно функционировали они и в некоторых крупных городах Урала в конце XIX в. — в Вятке, Перми, Екатеринбурге, Сарапуле, Слободском, Елабуге.

На страницах «Екатеринбургской недели» в декабре 1895 г. читателям сообщалось об открытии Попечительства о домах трудолюбия и рабочих домах под покровительством императрицы Александры Федоровны. История этих благотворительных учреждений, описанная, в частности, Дерюжинским в «Журнале министерства юстиции», представляла, по мнению современника, значительный интерес, исторический очерк о них приводился и в местной газете. Подчеркивалось, конечно же, значение инициативы протоиерея Иоанна Кронштадтского и Андреевского церковно-приходского попечительства в открытии первого дома трудолюбия, организационной деятельности военноморского прокурора О.О. Буксгевдена.

Автор очерка отмечал, что со временем новые дома трудолюбия стали появляться на северо-западе. Примеру Кронштадта последовали Санкт-Петербург, где в 1886 г. появилось два таких благотворительных заведения, а в следующем году — Псков. Барон О.О. Буксгевден по поручению министерства внутренних дел занимался активной популяризаторской деятельностью, посетив 19 российских городов с публичными выступлениями о пользе домов трудолюбия и желательности их открытия с целью «сокращения нищенства, предупреждения преступлений, часто совершаемых от голода, и содействия развитию народного труда». В дальнейшем эти начинания поддерживало и министерство юстиции, видя в них средство обращения преступника на путь нравственного исправления и честной трудовой жизни, призывая судебные ведомства оказывать помощь в создании домов трудолюбия.

В 1888–1892 гг. дома трудолюбия появились в Смоленске, Тамбове, Киеве, Саратове, Орле, Митаве

² Динеева О.В. Благотворительные инициативы муниципальных властей в деле помощи московским безработным (начало XX века) // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 319–332.

³ Белкина Е.Е. Открытие о. Иоанном Кронштадтским Рабочего дома в г. Калуге в 1895 г. // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: сборник материалов. М., 2009. С. 367–370.

⁴ Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1-2. М., 1994. URL: <http://www.Omolenko.com/zhitiya/surskii.htm?p=4>

и Ярославле. В 1893 г. барон возобновил свои поездки по городам с целью осмотра и дальнейшей популяризации идеи трудовой помощи, в итоге дома трудолюбия возникли в Твери, Вильно, Новгороде, в Варшаве (два), Гродно, Рязани, Вятке, Слободском, Елабуге и Кукарке. В следующем году начали работу еще 13 домов трудолюбия: в Москве, Ковно, Херсоне, Санкт-Петербурге (два), Архангельске, Полтаве, Царицыне, Чернигове, Петрокове, Люблине, Воронеже и Самаре. К декабрю 1895 г. были созданы еще девять домов трудолюбия: во Владимире, Симбирске, Калуге, Торжке, Туле, Киеве, Витебске, Санкт-Петербурге (уже пятый) и в селе Белом Новгородской губернии, в имении управляющего министерством внутренних дел И.А. Горемыкина. Общее число домов трудолюбия достигло 44⁵.

По времени открытия домов трудолюбия на Урале лидировала Вятская губерния, где ими озабочивались Вятка, Слободский, Елабуга и Кукарка. 1 сентября 1893 г. при Вятском благотворительном обществе был открыт дом трудолюбия, где содержалось ежедневно до ста человек (в основном дети и пожилые). Призываемые занимались посильными для них занятиями: трепали мочало, клеили бумажные мешки, плели шляпы из соломы, обучались шитью и вязанию, занимались изготовлением коробок и саквояжей. Исследователи подчеркивают их воспитательное значение, обучению детей грамоте и чтению книг отдавался приоритет⁶.

В Елабуге городской дом трудолюбия, открытый в 1893 г., был рассчитан на детей бедных жителей г. Елабуги от 12 до 18 лет, где им предоставлялась возможность «изучить сапожное мастерство, чтобы потом иметь обеспеченный знанием ремесла заработок». Дом трудолюбия «бесплатно» помещался в доме городского общества. Елабужский дом трудолюбия функционировал довольно успешно, о чем свидетельствует его бюджет: доходы в 1902 г. составляли 4 084 руб. (в том числе от городских учреждений — 1 280 р. и от продажи изделий — 2 804 р.), расходы — 3 910 руб. (в том числе на оплату труда учеников — 200 р.). В доме трудолюбия обучался 31 мальчик⁷.

Можно видеть, что в Вятской губернии трудовая помощь была преимущественно ориентирована прежде всего на детей и юношество. Так, в городе Сарапуле дом трудолюбия и «ясли» при Сарапульском благотворительном обществе (ведомства министерства внутренних дел) принимали

детей православной веры в возрасте от 8 до 17 лет, дети обучались сапожному, слесарному, столярному, переплетному и портновскому ремеслам. Стоимость содержания одного ребенка в год достигала 72 руб.⁸ В городе Слободском действовал Ольгинский детский приют трудолюбия, где воспитывались православные дети в возрасте 7 до 17 лет, при нем имелась школа, мальчики обучались сапожному и переплетному занятиям, девочки — вязанию чулок, вышиванию, кройке и шитью. Стоимость содержания одного ребенка в год составляла 92 руб. Яранский детский дом трудолюбия при Яранском обществе дома трудолюбия дети православной веры обучались золотому и серебряному делу, слесарному ремеслу, корзиночному, сапожному и портновскому ремеслам, живописи. Содержание одного ребенка в год обходилось обществу в 83 руб.⁹

При реализации идеи трудовой помощи важна была общественная инициатива. Например, Екатеринбургская городская дума на заседании 18–19 января 1896 г. постановила учредить в Екатеринбурге дом трудолюбия, открыть подписку для сбора пожертвований на учреждение и содержание этого благотворительного заведения, создать комиссию для реализации этого проекта во главе с Преосвященнейшим Симеоном, епископом Екатеринбургским и Ирбитским, «как инициатором это благотворительного дела». Сформированная для подготовки этого проекта комиссия признала на заседании 8 апреля 1896 г. целесообразным создание особого Попечительства о доме трудолюбия. На заседании 15–16 апреля 1896 г. эту идею поддержали члены Екатеринбургской городской думы. Кроме того, на этом заседании думцы пришли к решению выдачи дому трудолюбия ежегодной субсидии, при открытии которого эта сумма должна была составить 500 руб. В состав комитета дома трудолюбия городская дума сочла нужным избирать трех своих представителей из числа лиц, имеющих право голоса¹⁰.

По уставу Попечительного общества о доме трудолюбия в Екатеринбурге это общество находилось в ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, состоящем под покровительством императрицы Александры Федоровны. В уставе формулировалось «назначение» обществ: «оказывать нуждающимся срочную, по возможности недолговременную, помощь посредством предоставления им труда и приюта, впредь до более прочного устройства их судьбы — определением к постоянным занятиям или помещением на постоянное призрение¹¹. Для достижения этой цели общество открывало дом трудолюбия с правом устройства при нем столовой,

⁵ Екатеринбургская неделя. 1895. 3 декабря. С. 948–950.

⁶ Помелова Е.В. Благотворительность в сфере образования во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Вятской губернии) // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 1. С. 118.

⁷ Благотворительные учреждения в Елабуге и Елабужском уезде на 1902 г. // Благотворительность в России. Составлено по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. I. СПб., 1902. С. 9.

⁸ Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Петроград, 1916. С. 78.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 239. Л. 4–4 об., 30–33.

¹¹ Там же. Л. 41.

ночлежного приюта, яслей, начальной школы и других благотворительных заведений право голоса¹².

Первоначально дом трудолюбия предлагал жelaющим немного видов работы: шитье, щипка пера, клейка коробок. В 1898 г. открылась столярная мастерская, а в следующем — картонажная мастерская по изготовлению коробок, сумок, чемоданов и других вещей. В конце 1898 г. при доме трудолюбия открылась «школа по типу церковно-приходских», в ней обучалось от 30 до детей. В 1899 г. предполагался первый выпуск этой школы в составе 10 детей. Школа была открыта «для нищенствующих детей, испорченных и недисциплинированных», поэтому даже эта скромная цифра выпускников признавалась «удовлетворительной». В отчете попечительного общества о доме трудолюбия данное благотворительное заведение называлось «зерном, упавшим на хорошую почву»¹³.

Ассортимент изготавливаемых домом трудолюбия изделий был довольно широким, о чем свидетельствует отчетная документация. Так, к 1 января 1900 г. в Екатеринбургском доме трудолюбия оставалось: пера чищенного — 4 пуда, 6 стульев, письменный столик, 6 круглых табуретов, 3 больших кронштейна, 6 малых кронштейнов, 1 кресло точеное, «1 угольный столик», 1 этажерка, 150 балясин, 40 сумок для книг, 10 ранцев, 2 чемодана¹⁴.

В Екатеринбурге находились общественные деятели, готовые на деле поддержать благотворительное дело, о чем свидетельствуют данные о пожертвованиях в местный дом трудолюбия. В ведомости пожертвований за 1899 г. содержатся данные о драгоценном дарe императрицы Александры Федоровны — книге Ганзена «Трудовая помощь в скандинавских государствах», а также инструментах и домашней утвари, поступивших от благотворителей: от И.И. Симанова, например, машинка для стрижки волос, 20 чайных кружек, от И.Ф. Чистякова — 20 пар чайных чашек, от М.Г. Королькова — ящик деревянных ложек, от А.Я. Шишова — 6 железных ведер и столько же тазов, от О.И. Балакина — клеенка на стол (10 арш.), от В.Я. Андреева — 20 одеял, от О.Е. Телегина — 212 арш. шотландки, от Е.Е. Емельянова — 20 арш. черного сукна, 50 арш. бумазеи, от бр. Макаровых — 15 пар пимов. Пожертвований продуктами и съестными припасами поступило на 203 руб. 40 коп.¹⁵

Многие предприниматели и известные своей благотворительной деятельностью общественные деятели Екатеринбурга входили в состав попечительного общества о доме трудолюбия в Екатеринбурге, чем объясняется их неравнодушие к судьбе данного благотворительного учреждения. В составе

попечительного общества в 1902 г. насчитывалось 15 почетных и 65 действительных членов. Бюджет общества формировался из членских взносов, добровольных пожертвований от земства и городского общественного управления, частных лиц, выручки от продажи производимой продукции, средств, получаемых от благотворительных мероприятий. По данным на 1902 г. можно видеть, что членские взносы давали в год доход в сумме 630 руб. Субсидии от городского и земского самоуправления составляли 1 000 руб. В виде пожертвований в том же году поступило от правления Кыштымских заводов 100 руб., от известных купцов и двух неизвестных лиц — еще 353 руб. Отец Иоанн Сергиев, будучи почетным членом попечительного общества о доме трудолюбия в г. Екатеринбурге, деятельно откликнулся на нужды и этого дома трудолюбия. Известно, что в 1902 г. о. Иоанн переслал 25 руб. в виде пожертвования в его бюджет¹⁶.

Представляет интерес о мерах по искоренению нищенства в Екатеринбурге, предпринимаемых попечительным обществом о доме трудолюбия, в частности, история с обеденными марками. Правление общества установило особые марки ценою в 5 коп., предъявители которых могли получить в определенное время в доме трудолюбия обед из двух блюд. Марки продавались в некоторых магазинах или членами правления общества. Покупатель марки мог подать милостыню ее вместо денег. «Общество» «сочувственно» отнеслось к этой мере (за месяц было продано 15 000 марок), тогда как нищие «враждебно отнеслись к обеденным маркам», иногда даже рвали или бросали их на землю, получив марки в виде милостыни. В итоге только треть марок от обедавших бедняков поступила в дом трудолюбия. Тем не менее правление считало возможным и в дальнейшем использовать полученный опыт¹⁷.

Из отчета за 1902 г. следует, что при доме трудолюбия в Екатеринбурге продолжала работать школа, в которой к 1902 г. обучалось 26 мальчиков, а спустя год — уже 40. Почетный член общества М.И. Иванов содержал при доме трудолюбия бесплатную столовую для трудящихся¹⁸. В доме трудолюбия проявлялась забота и о духовных потребностях, и о досуге призреваемых. Его популярность со временем возрастала.

В 1905 г. Екатеринбургский дом трудолюбия дал работу, приют и пищу 58 мужчинам и 29 мальчикам. Можно видеть, что, в отличие от состава домов трудолюбия в северо-западном крае, ориентированным преимущественно на молодежь и ее исправление путем трудового воспитания, Екатеринбургский дом

¹² ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 239. Л. 41 об.

¹³ Отчет правления попечительного общества о доме трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1899 г. Екатеринбург: Хромо-лито-типография К.К. Вурм, 1900. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Отчет правления попечительного общества о доме трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1899 г. С. 14–15.

¹⁶ Отчет правления попечительного общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1902 г. Екатеринбург, 1902. С. 3–20.

¹⁷ Отчет правления попечительного общества о доме трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1899 г. С. 21–22.

¹⁸ Отчет правления попечительного общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1902 г. С. 12, 16.

трудолюбия был рассчитан, прежде всего, на взрослое население, нуждающееся в работе. Среди «трудолюбцев» в это время «преобладающим элементом являлись люди более или менее интеллигентные». Среди них были выходцы из потомственных дворян — 1, потомственных почтенных граждан — 3, личных почетных граждан — 3, мещан и разночинцев — 19, представители крестьянства — 32. Почти все люди, поступившие в Екатеринбургский дом трудолюбия, были православного вероисповедания, за исключением одного католика и одного протестанта. Большинство призываемых были грамотными (89,7%), неграмотных 10,3%¹⁹. Занимались екатеринбургские «трудолюбцы» столярными и картонажно-переплетными работами, швейным и сапожным делом, щипкой пера и работой на дворе. По профессиональной принадлежности среди них были: учителя — 1, писцы — 9, техники — 1, псаломщики — 2, старатели — 1, столяры — 10, маляры — 3, слесари — 2, переплетчики — 2, домашняя прислуга — 3, чернорабочие — 23, нищие — 1. Преобладали холостые (45), вдовых было три человека, женатых — десять²⁰.

22 февраля 1898 г. открылся дом трудолюбия в Перми. Однако первоначально «дела его шли вяло», пока его не взяло под свою опеку возникшее в 1904 г. в Перми Общество трудовой помощи. Это общество провозгласило цель — «дать встать на ноги работоспособному, но впавшему в безысходную нужду человеку». Несколько лет его «главное детище» — дом трудолюбия — находился в здании (по Вознесенской ул.), которое арендовалось обществом²¹. 25 мая 1911 г. было заложено собственное здание дома трудолюбия в Перми²². 9 декабря 1912 г. дом трудолюбия располагался в новом собственном прекрасном помещении — в трехэтажном каменном доме, находящемся на углу Торговой и Брюхановской улиц. Г-образное в плане двухэтажное кирпичное здание с цокольным этажом, возведенное по проекту архитектора В.В. Попатенко, стало объектом историко-культурного наследия, поставлено на учет органов государственной охраны памятников историко-культурного наследия. Бюджет Пермского дома трудолюбия достигал примерно 10 000 руб. Доходы общества и соответственного подведомственного учреждения формировались из пожертвований, членских взносов, доходов от благотворительных вечеров и главным образом от заработков работников²³.

В Пермском доме трудолюбия мужское и женское отделения были изолированы. При доме трудолюбия имелись белошвейная, переплетная, сапожная и столярная, а также отделение для изготовления мочала,

канатов, швабр, веников. Как и в Екатеринбургском доме трудолюбия, в аналогичном пермском учреждении наплыв желающих воспользоваться его услугами был зимой²⁴.

Собственной недвижимостью Вятский дом трудолюбия был обязан одному из самых состоятельных купцов Вятки — Петру Павловичу Клобукову. 1 октября 1895 г. в его доме при доме трудолюбия открылись первые на Вятской земле детские ясли²⁵.

Попечительное общество о доме трудолюбия в Челябинске имело цель «оказывать срочную трудовую помощь впавшим в бедность, не имеющим заработка, выпущенным из больниц, освобожденным из мест заключения и не могущим еще найти постоянного заработка или занятия, как жителям г. Челябинска, так и прибывшим в него, посредством предоставления им труда и заработка и временно-го призора, впредь до более прочного устройства их судьбы подысканием постоянных занятий или помещением на постоянное призвание». Благодаря его деятельности в городе появился дом трудолюбия с собственным помещением. 23 апреля 1901 г. состоялось его освящение. В нем были организованы работы по шитью мешков, матрасов, перин, рубашек и юбок. В 1905 г. в нем ежемесячно работали 12–40 человек, в 1908 — 101. После голода 1911 г. общество приняло от Челябинского санитарного попечительства на свое иждивение убежище для детей, в 1913 г. от приходского попечительства Челябинской Рождество-Богородицкой церкви — женскую рукодельную школу²⁶. Детское убежище при доме трудолюбия в Челябинске содержало воспитанников православного вероисповедания с четырехлетнего возраста. Дети обучались в начальных городских училищах, а в самом «убежище» мальчики — сапожному и столярному занятиям, а девочки — рукоделию²⁷. К слову сказать, подобные благотворительные учреждения имелись и в других городах. Так, детское убежище трудовой помощи в Шадринске воспитывало детей православной веры в возрасте 2–14 лет, они учились в приходских школах, а в «убежище трудовой помощи» — «шапочному, белошвейному, сапожному, картонажному и портновскому ремеслам»²⁸.

Насколько эффективной с предпринимательской точки зрения была деятельность домов трудолюбия? Чаще всего они с трудом «сводили концы с концами», за некоторым исключением это были убыточные с чисто экономической точки зрения предприятия, направленные главным образом на решение социальных проблем. По данным Екатеринбургского дома трудолюбия, за 1905 г. доход

¹⁹ Отчет Попечительного Общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1905 г. Екатеринбург, 1906. С. 19.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 155–156.

²² Трапезников В.Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 105, 160.

²³ Верхованцев В.С. Указ. соч. С. 155–156.

²⁴ Там же.

²⁵ Энциклопедия земли Вятской. Т. 9. Киров, 1999. С. 613.

²⁶ Дом трудолюбия // Энциклопедия Челябинской области. URL: <http://chel-portal.ru/>

²⁷ Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Петроград, 1916. С. 160.

²⁸ Там же. С. 184.

от продажи производимых «трудолюбцами» изделий окупал оплату их работы и часть других расходов на их содержание. Екатеринбургский дом трудолюбия приплачивал из общественного бюджета на содержание каждого «трудолюбца» определенную сумму (в 1905 г. по 34 коп.), не будучи исключением на фоне многих других домов трудолюбия в России, большинство из них приплачивали ежедневно на каждого человека от 30 до 40 коп., а в некоторых эта приплата достигала 87 коп. в день.

И все же следует заключить, что дома трудолюбия на Урале приносили значительную общественную пользу. Например, благодаря их работе в городах и ближайшей округе в некоторой степени смягчалась проблема трудоустройства. Десятки людей в том или ином городе имели возможность справиться с временными жизненными трудностями. Как известно, в целом же проблему безработицы и нищенства в позднеимперской России путем создания благотворительных учреждений и, в частности, домов трудолюбия решить не удалось. Так, несмотря на усилия правления Попечительного общества о доме трудолюбия в Екатеринбурге привлечь на работу профессиональных нищих, данная категория городских низов уходила от этого воздействия, предпочитая ей другие способы существования. Среди постоянных клиентов Екатеринбургского дома трудолюбия профессиональных нищих не было.

Важно подчеркнуть не только социально-экономическое, но и социокультурное значение домов трудолюбия. В «Пермских губернских ведомостях», например, сообщалось, что с 3 октября 1904 г. в местном доме трудолюбия, находящемся в ведении Общества трудовой помощи, каждое воскресенье устраивались народные чтения, часто сопровождавшиеся «туманными картинками». До святков эти чтения охотно посещались не только «трудолюбцами», но и другими горожанами. Часто было, что зал даже не мог вместить всех желающих, и посетители толпились в коридоре. Во время святков чтения не проводились, после них число посетителей несколько падало²⁹. Можно видеть, что дома трудолюбия на Урале вносили свой вклад в повышение культуры горожан. Именно поэтому один из современников, автор газетной заметки, взывая к «просвещенным деятелям» оказывать поддержку и помощь существующим домам трудолюбия, способствовать открытию новых, подчеркивал, что это дело — «один из действительных факторов к улучшению нашей внутренней жизни, и служить ему — значит служить интересам культуры», указывал, что пожертвования принимались в канцелярию императрицы Александры Федоровны³⁰.

В Екатеринбургском доме трудолюбия также проявлялась забота о духовных потребностях и о досуге призреваемых: «В праздничные дни, по ранее введенному порядку, работ не производилось, и призреваемые, посетив утром церковь, проводили день

²⁹ Пермские губернские ведомости. 1905. 23 февраля. С. 2.

³⁰ Екатеринбургская неделя. 1895. 3 декабря. С. 950.

в чтении книг, газет и журналов или же развлекались игрой в шашки и шахматы — карты не допускались. Книгами трудолюбцев снабжала имеющаяся при доме трудолюбия, к сожалению, очень небольшая библиотечка, составленная из пожертвований, газета же «Уральская жизнь» доставлялась, благодаря любезности редакции, бесплатно. По воскресным вечерам священ. Александро-Невской церкви о. Николаем Дягилевым были организованы религиозно-нравственные чтения, охотно посещавшиеся трудолюбцами и привлекавшие массу посторонних лиц. На Рождество на средства, пожертвованные добрыми людьми, была устроена елка и детский вечер для воспитанников дома трудолюбия»³¹.

Благодаря работе попечительных обществ и домов трудолюбия провинциальный социум приобретал значительный идейно-мировоззренческий, экономический и широкий социальный опыт. После 1917 г. дома трудолюбия были ликвидированы, их помещения муниципализированы.

Очевиден общественный характер деятельности попечительств на Урале, часто относимых исследователями к дуалистичным («государственно-общественным») по своей природе социальным институтам. Пермские городские попечительства о бедных, действовавшие с конца 1911 г., тоже частично удовлетворяли просьбы бедняков в поиске работы, предоставляя возможность работать в сапожных, столярных и других мастерских, которые действовали при попечительствах, а также открыв специальное «Бюро труда» с целью предоставления нуждающимся в информации о работе и о вакансиях. Попечительства предоставляли беднякам и бесплатную юридическую помощь через своих членов-адвокатов³².

В Уфе истоки института трудовой помощи были тесно связаны с деятельностью Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества. В 1896 г. при нем начало действовать справочное бюро для людей, нуждающихся в трудоустройстве. Его услугами пользовались преимущественно работники низкой квалификации, подсобные рабочие, прислуга. В бюро можно было получить информацию о работе не только в Уфе и Уфимской губернии, а в других российских городах и губерниях. Население охотно пользовалось его услугами. По данным на 1914 г., желающих найти работу насчитывалось 160 человек, а возможность трудоустройства предоставляли 226 нанимателей³³.

Несколько позднее в уральских городах стали появляться первые биржи труда. В «горнозаводской

³¹ Отчет Попечительного Общества о Доме Трудолюбия в г. Екатеринбурге за 1905 год. С. 3.

³² Отчет Пермского городского попечительства о бедных. С 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г. Пермь, 1914. С. 1–6.

³³ Гайсина А.В. Деятельность Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 9(35) : в 2-х ч. Ч. I. С. 28.

столице Урала» инициатива создания биржи труда исходила от гласного городской думы Константина Михайловича Гавриленко. Идеи екатеринбургского думца были прогрессивными для своего времени. На порайонном съезде союза земств и городов 18–19 августа 1915 г. в Петрограде единогласно было принято Положение о необходимости земствам и городским управлением заняться организацией бирж труда³⁴. По Положению о бирже труда, утвержденному городской думой 9 октября 1915 г. и 12 марта 1916 г., биржа труда, учрежденная в Екатеринбурге городской думой, имела цель посредничество между спросом и предложением труда местного и иногороднего. Надзор за биржей осуществляла городская дума³⁵. Официальное открытие биржи труда состоялось 24 июня 1916 г. Торжество началось с молебствия, затем прозвучала речь городского головы А.Е. Обухова. В первый же день стали поступать заявления от нанимателей и работников³⁶.

В условиях роста безработицы создание соответствующей законодательной базы (Постановления Временного правительства от 19 августа 1917 г., а затем Декрета об учреждении местных и областных бирж труда) имело важное значение. Непосредственному принятию закона о биржах труда предшествовал острый социально-экономический

кризис, который выразился в бурном росте количества безработных после Февральской революции 1917 г. В декабре 1917 г. открылась Вятская биржа труда³⁷. В Перми городская дума разработала устав биржи труда в декабре 1917 г. После установления советской власти под влиянием Совета профсоюзов на заседании городской думы 7 февраля 1918 г. в устав биржи были внесены изменения (31 января 1918 г. за подписью В.И. Ленина был опубликован Декрет «О биржах труда»)³⁸.

В заключение следует подчеркнуть особое значение общественных инициатив в процессе создания институтов оказания трудовой помощи в городах Урала в конце XIX — начале XX вв. Государственная власть, городские органы самоуправления и общественность совместными усилиями способствовали созданию домов трудолюбия, справочных бюро и бирж труда в тех городах Урала, где социальные вызовы современности чувствовались острее и где успешнее шло формирование институтов гражданского общества, вносящих некоторый вклад в уменьшение безработицы на Урале, способствовавших урегулированию трудовых отношений, смягчению социальной напряженности в городах.

³⁴ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 582. Л. 20–20 об.

³⁵ Там же. Л. 60–65 об.

³⁶ Там же. Л. 100, 116–116 об.

³⁷ Соловьева И.А. Деятельность Вятской биржи труда (1918–1930 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 1916. № 10. С. 33.

³⁸ История Пермской биржи труда. URL: <http://www.szn.permkrai.ru/25-let-na-rynke-truda/istoriya-permskoy-birzhi-truda/>

Литература

- Белкина Е.Е. Открытие о. Иоанном Кронштадтским Работного дома в г. Калуге в 1895 г. / Е.Е. Белкина // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : сборник материалов. 2009. Т. 1. № 19. С. 367–370.
- Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее / В.С. Верхоланцев. Пермь : Пушка, 1994. 255 с.
- Гайсина А.В. Деятельность Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества / А.В. Гайсина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1(35). С. 27–30.
- Динеева О.В. Благотворительные инициативы муниципальных властей в деле помощи московским безработным (начало XX века) / О.В. Динеева // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб. : Нестор-История, 2008. С. 319–332.
- Помелова Е.В. Благотворительность в сфере образования во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Вятской губернии) / Е.В. Помелова // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 1. С. 117–126.
- Соловьева И.А. Деятельность Вятской биржи труда (1918–1930 гг.) / И.А. Соловьева // Вестник Вятского государственного университета. 1916. № 10. С. 31–37.
- Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадский. Т. 1–2 / И.К. Сурский. М. : Паломник, 1994. URL: <http://www.Omolenko.com/zhitiya/surskii.htm?p=4>
- Трапезников В.Н. Летопись города Перми : К 275-летию основания / В.Н. Трапезников. Пермь : Гос. арх. Перм. обл., 1998. 272 с.
- Туманова А.С. Исторический опыт развития гражданского общества в поздеимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 26–31.
- Туманова А.С. Организация помощи фронту и жертвам войны как результат совместных усилий власти и гражданского общества в годы Первой мировой войны: институциональный и правовой аспекты / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 34–40.
- Энциклопедия Земли Вятской : откуда мы родом? : в 10-ти т. / ред. В.И. Шишкин. Т. 9: Культура. Искусство / сост. С.П. Кокурина. Киров : Дом печати — Вятка, 1999. 638 с.
- Lindenmeyr A. Charity and the Problem of Unemployment: Industrial Homes in Late Imperial Russia / A. Lindenmeyr // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 1–22.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС*

*Галас Марина Леонидовна,
главный научный сотрудник
Института проблем эффективного государства и гражданского общества
Департамента политологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор
MLGalas@fa.ru*

Добровольчество включает в себя действия, предпринимаемые на местном, общенациональном и международном уровнях в форме: взаимопомощи, преодоления последствий стихийного бедствия, урегулирования конфликтных ситуаций, искоренение бедности, труда как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества, социокультурного взаимодействия. Институционализация добровольческой деятельности предполагает соответствующую социальным, морально-этическим нормам, структурированную и регламентированную законодательно форму (некоммерческой общественной организации, благотворительного фонда, центра, движения и др. объединений).

Всемирная декларация добровольчества (январь 2001 г.) трактует добровольчество как основу гражданского общества, развивающую потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости. В таком контексте добровольчество — инструмент социального, культурного, экономического развития.

Институт добровольного некоммерческого общественного объединения непосредственно связан с его ролью в структуре гражданского общества. Гражданское общество, как структура, состоящая в том числе из добровольных объединений людей, имеющих определенные политические, социальные, экономические, культурные интересы, реализует такие интересы в процессе взаимодействия с государством и бизнесом в различных институциональных формах, характерных для своего исторического времени.

Статья посвящена истории становления волонтерского движения в России как инструмента общественной солидарности, интегрирования власти и гражданского общества в решении общенациональных задач, а также «мягкой силы» воздействия социума на государство.

***Ключевые слова:** добровольчество, волонтерское движение, общественные организации, солидарность, социокультурное взаимодействие, мягкая сила, институционализация.*

Institutionalization of the Volunteer Movement in Russia as a Soft Power Tool: Historical and Legal Discourse

*Galas Marina L.
Chief Research Scientist of the Institute of Effective State and Civil Society Issues
of the Department of Political Science of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Doctor of History, Professor*

Volunteering includes actions taken at the local, national and international levels in the form of mutual aid, disaster settlement of conflicts, eradication of poverty, as activities undertaken by people voluntarily on a pro bono basis and aimed at achieving social objectives, problem-solving, community and cultural interaction. The institutionalization of volunteer activities presupposes appropriate social, moral and ethical standards, structured and regulated legally form (non-profit public charitable organization, fund, center, movement, etc. associations).

The institutionalization of volunteer activities presupposes appropriate social, moral and ethical standards, structured and regulated legally form (non-profit public charitable organization Fund Centre, movement, etc. associations). In this context, volunteerism is a tool for the social, cultural and economic development.

The article is devoted to the history of the volunteer movement in Russia, as an instrument of social solidarity, the integration of Government and civil society in solving national problems, as well as the «soft power» of the impact of society on the state.

***Keywords:** voluntary character, volunteer movement, public organizations, solidarity, social and cultural interaction, soft power, institutionalization.*

Добровольчество в России имеет тысячелетнюю историю. Православие привнесло в русское общество традицию работы во Славу Божию, к примеру, добровольческого труда в монастырях, больницах, учебных и призывательных заведениях. К концу X–XI вв. сложилась легитимированная княжескими указами

практика «книжного учения» для одаренных детей, учреждения сиротских училищ, библиотек, которые содержались за счет добровольных пожертвований¹.

¹ Повесть временных лет / Рос. акад. наук. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука. 1996. С. 200–270.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета в 2018 г.

Образовательно-воспитательной практике, как одному из важнейших инструментов «мягкой силы» в формировании общественных ценностей и национальных государственных интересов, на протяжении всего исторического времени российского государства придавались различные институциональные формы. Показательно, что во второй половине XVIII в. в России была учреждена сеть воспитательных домов для детей-сирот и незаконнорожденных (как их именовали в нормативных актах «засорных») младенцев.

На основании Указа от 1 сентября 1763 г. вступил в юридическую силу Манифест «Об учреждении Московского Воспитательного дома». Это учреждение было построено за счет средств частных пожертвований, в том числе и дома Романовых. Аналогичная организация была создана также в Петербурге. Следует отметить, что во второй половине XVIII в. добровольные взносы благотворителей на организацию подобных образовательно-воспитательных учреждений, домов помощи нуждающимся приобрели регулярный характер².

Симптоматичен и пример организации в Москве после эпидемии холеры 1831 г. для детей-сирот гражданских и военных чиновников учебно-воспитательного учреждения — Александринского сиротского института, который обыватели так и называли «холерным». Значительный вклад в просвещение российской молодежи и социальную помощь детям-сиротам внесла деятельность Сиротского института императора Николая I³, Московского воспитательного дома⁴, ремесленные мастерские, организованные императрицей Марией Федоровной в 1826 г.⁵

Позднее, в 1830 г., императорским указом было принято Положение о Ремесленном учебном

заведении. В 1857 г. в системе Ремесленного училища было учреждено высшее технологическое отделение, структурированное на кафедры практической механики и химической технологии, а в 1868 г. это образовательное-профессиональное учреждение было оформлено как Императорское техническое училище (ныне Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана).

На основании высочайше утвержденного устава в 1840 г. в стенах Императорского Московского воспитательного дома была организована Фельдшерская школа, окончив которое выпускники в должности фельдшера могли получить работу в больницах, лечебницах, аптеках императрицы Марии, в земских управах и иных профильных ведомствах.

Следует отметить, что ежегодно на содержание Московского воспитательного дома, медицинскую помощь, социальную адаптацию обучающихся выделялось более миллиона рублей. Интересен тот факт, что в 1888 г. управляющий Московским воспитательным домом Б.А. Нейдгарт инициировал учреждение при Доме Благотворительного общества в целях привлечения частных инвестиций. Устав этого общества был утвержден Опекунским советом в том же году, вскоре состоялось его открытие. Благотворительное общество именовалось Николаевским и курировалось императрицей Марией⁶.

В Окружной больнице Московского воспитательного дома функционировали терапевтическое, хирургическое, электротерапевтическое отделения, с 1871 г. — детская поликлиника.

В XIX в. широкое развитие получили земства. Значительная часть народных начальных школ, в которых преподавали учителя-волонтеры, во второй половине XIX в. учреждалось и финансировалось земствами. Следует подчеркнуть, что земским врачам-волонтерам российское общество обязано возникновением важнейшего социального института — бесплатного медицинского обслуживания. К таким институтам можно отнести «человеколюбивые общества», которые под патронатом императора были организованы уже в XVIII в. Императорское человеколюбивое общество являлось одной из крупнейших благотворительных организаций России, успешно развивавшихся в XIX — начале XX вв. Оно было основано в мае 1802 г. рескриптом императора в статусе «благотетельного» общества для помощи бедным и нуждающимся за счет добровольных частных пожертвований. Главной задачей организации, что принципиально, являлась не «раздача милостыни», а создание условий для трудоустройства социально уязвимых категорий населения, занятия промыслом и иными полезными видами деятельности, приносящей стабильный доход, необходимый для полноценной жизни и создания семьи. В августе

² Бондина С.И. Законодательство Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов в отношении родителей питомцев в первой половине XIX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4-29. С. 45–50.

³ Учрежден в 1837 г. как Сиротский институт для обер-офицерских сирот. В 1847 г. юноши, обучавшиеся в нем, были направлены в Александринский сиротский институт, а девушки-воспитанницы продолжили обучение в прежнем учреждении. Так оно трансформировалось в Женский сиротский институт, а позднее — в Николаевский сиротский институт.

⁴ В 1815 г. были организованы трехгодичные латинские классы, после окончания которых воспитанники имели право пройти курс медицинских наук в Московском университете. В классах с двухгодичным предметным курсом программа соответствовала гимназической. В 1826 г. были организованы две гимназии с 10-летним курсом обучения, после прохождения которых обучаемые могли поступить на медицинский, а далее на другие факультеты Московского университета. Воспитанники, не изъявившие желание поступить в университет, окончив гимназию могли поступить на службу в Министерство государственных имуществ, например, а также в ремесленное училище, земледельческую школу, в учительскую семинарию, школу садоводства, фельдшерскую школу.

⁵ Под руководством архитектора Д.И. Жилярди Слободской дворец в Лефортово, переданный в 1826 г. Воспитательному дому.

⁶ Альбицкий В.Ю. и др. Императорский Московский воспитательный дом как центр охраны здоровья детей в Российской империи (1813–1917 гг.). М.: Союз педиатров России, 2011. С. 10–85.

1814 г. «благотворительное» общество реорганизовано в Императорское человеколюбивое общество.

Проект вышеуказанного общества был подготовлен сенатором Бруно Александровичем Фитингофом, Александром Скарлатовичем Стурдза, Дмитрием Николаевичем Блудовым и Высочайше утвержден в 1816 г. Главным попечителем общества стал князь Александр Николаевич Голицын. Филиалы Императорского человеколюбивого общества действовали во многих городах страны. Ежегодная сумма помощи была более 1 500 000 руб. Эти средства направлялись на содержание лечебных, учебно-воспитательных заведений, недорогих социальных квартир, приютов, народных столовых, швейных мастерских, домов призрения. Обоснованно с точки зрения системно выполняемой социальной работы, с 1858 г. работа в этой организации приравнивалась к государственной службе, а служащие получили право на получение пенсии за выслугу лет и право на ношение мундира общегражданского покроя.

Еще одно важное направление добровольческой деятельности в России — защита национальной безопасности и православных ценностей. Знаковым этапом для развития этого направления стало завершение Отечественной войны 1812 г. и освободительная миссия российской армии в Европе: подъем патриотизма, стремление к гражданской справедливости, социальному сотрудничеству. Стремление христианских народов к освобождению от гнета Османской империи также способствовало формированию институтов национально-освободительного и патриотического характера.

Одной из первых организаций рассматриваемого направления было тайное общество «Филики этерия», организованное в городе Одессе в 1814 г. греческими патриотами Новороссии в целях подготовки восстания в Греции. Одним из руководителей восстания стал экс-адъютант российского императора Александра I, герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор А. Ипсиланти⁷.

Активный отклик в российском общественном сознании нашла борьба под руководством Дж. Гарибальди под флагом объединения Италии⁸. Солидарны были россияне с движением за независимость буров. Государственное руководство Российской империи не вводило карательных санкций в отношении добровольцев, которые в частном порядке участвовали в боевых действиях повстанцев. Гуманитарную миссию выполняли русские волонтеры-врачи в составах санитарного отряда Российского

Общества Красного Креста и Русско-голландского санитарного отряда. Отряд Российского Общества Красного Креста формировался под патронажем императрицы Марии Федоровны, покровительницы Российского Общества Красного Креста. В Трансваале были организованы стационарные и полевые госпитали⁹.

Дифференциация общества и социальные проблемы, культурная дискриминация послужили предпосылками развития просветительского добровольчества в России. Возник прецедент чувства исторической вины дворянского сословия перед угнетаемым народом. XIX век — период хождения в народ. Народничество, как идея, во второй половине XIX — начале XX вв. стремилась к самобытному пути развития социализма в России. Сложилась концепция «русский социализм» или «крестьянский социализм» Герцена. По степени кардинальности идей преобразования общества и государства и видению политического (государственного) режима в России, как известно, сложились направления: консервативное, либеральное (кадетское), либерально-революционное (РСДРП), социально-революционное (эсеры), анархистское.

Еще один российский феномен — интеграция институтов гражданского общества и государства. В период Первой мировой войны и предреволюционной ситуации инициативу политических, экономических, социальных преобразований у общественных организацией попыталось взять государство.

Закономерен и прецедент межреволюционного периода 1917 г. — режим «двоевластия» Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В демократический период (февраль — октябрь 1917 г.) наблюдалось сотрудничество Петроградского Совета и Временного правительства. В результате переговоров с Временным комитетом руководство исполкома Совета заявило о политической поддержке Временного правительства и готовности осуществлять властные полномочия консенсуально. Для взаимодействия была сформирована Контактная комиссия. В Москве 1 марта 1917 г. был учрежден Комитет общественных организаций. Конфликты между Временным правительством и Советами возникали в периоды острых политических кризисов, но завершались достижением соглашений.

На основании соглашения Временного комитета исполкома Петросовета 2 (15) марта 1917 г. было учреждено Временное правительство. После Великой российской революции 1917 г. система контроля общественной инициативы государством получила дальнейшее развитие.

В годы революции и гражданской войны большое число обществ продолжало свою деятельность без

⁷ В течение трех месяцев восстание охватило весь Пелопоннес, часть континентальной Греции, остров Крит, Кипр и некоторые другие острова Эгейского моря. Главы государств Европы (Великобритании, Австрии, Пруссии, Франции) предприняли меры для подавления восстания как российского заговора по захвату Греции. Александр I, следуя обязательствам Священного Союза, не поддержал этого национально-освободительного движения.

⁸ Окроков А.В. Русские добровольцы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 58–254.

⁹ Шубин Г.В. Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902 гг. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива). М.: ИД «XXI век — Согласие Год», 2001. С. 12–120.

регистрации при фактическом отсутствии законодательства об общественных организациях.

Одним из важных правовых нормативных актов является Декрет ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»¹⁰. Союзы и объединения были правомочны проводить съезды и всероссийские совещания исключительно на основании разрешений НКВД, а на местном уровне — губернских исполкомов. Общественные объединения обязывались в установленный законом срок регистрироваться в НКВД под угрозой ликвидации. От процедуры были освобождены профсоюзы, объединенные ВЦСПС.

Показательны Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 9 мая 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза С.С.Р., и о надзоре за ними», Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. «Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли»¹¹. Положение сохранило двойную процедуру при регистрации обществ и союзов: утверждение устава и регистрацию объединения. Проекты устава следовало представлять на утверждение СНК СССР. Регистрация осуществлялась органами власти республики, на территории которой должна была действовать организация. НКВД было полномочно отклонить учредителей организация. Не подлежали утверждению уставы обществ, содержащие, с точки зрения компетентных органов, угрозу общественному спокойствию и безопасности, возбуждающие национальную рознь и вражду, ставящих целью изучение и развитие мистики, а также неопределенные цели. Нормы постановления не распространялись на профсоюзы.

В 1922–1929 гг. применялась дефиниция «обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», а с 1930 г. — о «добровольных обществах и союзах». Все же по существу роль и значение общественных организаций оставалось неизменным.

Формализация термина «общество» произошла в 1928 г.: обществами, не преследующими целей извлечения прибыли, назывались добровольные объединения граждан, которые предметом своей совокупной

деятельности избирали постоянную цель, не связанную с извлечением материальных выгод для участников объединения или удовлетворением их экономических потребностей».

В РСФСР действовали международные организации: Международный Комитет Красного Креста, Красный Спортивный Интернационал, Международная Рабочая Помощь и др.

Конституирование СССР инициировало регламентацию деятельности общесоюзных общественных объединений. На основании Декрета ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними» проекты уставов общесоюзных организаций надлежало представлять на утверждение в СНК СССР, обсуждать и регистрировать в республиканских органах¹².

Официальная классификация обществ была разработана НКВД в 1928 г.:

— научные и научно-технические (Русское техническое общество; Всероссийская ассоциация физиков; Всероссийская ассоциация инженеров, советско-германское общество «Культура и техника»; Общество истории и древностей российских, Общество историков-марксистов, Всероссийское общество фотографов — ВОФ, Общество деятелей советского права и др.);

— помощи и взаимопомощи (Международная организация помощи борцам революции — МОПР; Общество спасания на водах — МОСНАВ; Общество по борьбе с детской беспризорностью «Друг детей»; Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции и др.);

— культурно-просветительные (Общество поощрения художеств и популяризации художественных знаний; Союз эсперантистов советских стран; Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев; Союз воинствующих безбожников; Общество «Долой неграмотность» и др.);

— музыкально-художественные (Товарищество передвижных художественных выставок, Ассоциация художников революционной России — АХРР, Российская ассоциация пролетарских музыкантов, Русское театральное общество — РТО, Всероссийское Бетховенское общество и др.);

— литературные (Московская ассоциация пролетарских писателей, Общество А.П. Чехова и его эпохи, Литературный центр конструктивистов — ЛЦК, Кругок памяти Ф. Брюсова и др.);

— сельскохозяйственные (Московское общество сельского хозяйства — МОСХ, Русское общество

¹⁰ Декрет ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 40. Ст. 477.

¹¹ Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 9 мая 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза С.С.Р., и о надзоре за ними». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18604> (дата обращения: 17.05.2018); Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. «Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157.

¹² Декрета ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 63. Ст. 626.

акклиматизации животных и растений, Московское общество пчеловодства и шелководства, Всероссийское общество садоводства и др.);

— спортивные (Красный спортивный интернационал, Военно-охотничье общество московского военного округа и др.);

— национальные (Всероссийское общество земледельческого и ремесленного труда среди ассирийцев — Хаядта, Общество по земельному устройству трудящихся евреев — ОЗЕТ, Американская еврейская объединенная агрономическая корпорация Агро-Джойнт, общество бессарабцев «Прочь руки румынских захватчиков от Бессарабии», общество «Руки прочь от Китая!» и пр.).

До начала 1930-х гг. в классификацию входили и «разные общества»: Московское общество борьбы с алкоголизмом, Общество охраны природы, Вегетарианское общество имени Л.Н. Толстого, Всероссийская ассоциация друзей языка «Идо», Всероссийское общество филателистов и т.д.

В 1930 г. в оборот вошло новое определение: «Добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации, федерации и т.п.) — организации общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставящими своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны».

Добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации и т.п.) должны были действовать в соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства и социально-культурного строительства, участвовать в разрешении очередных задач Советской власти по соответствующим отраслям социалистического строительства. Научно-исследовательская деятельность обществ и союзов должна строиться на основе, обеспечивающей «марксистско-диалектическую проработку вопросов в соответствующих отраслях знаний»¹³.

Определение «некоммерческой организации», используемое сегодня и отраженное в п. 1 ст. 2 Закона о некоммерческих организациях, восходит к самому раннему из вышеописанных: «некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками»¹⁴.

Положение 1930 г. содержало ряд нововведений. Границы их общественной деятельности были определены деятельностью в соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства и социально-культурного строительства.

¹³ Постановление СНК РСФСР «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях)» от 30 августа 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527.

¹⁴ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 12.09.2018).

Научно-исследовательская деятельность обществ и союзов должна была строиться на основе, обеспечивающей марксистско-ленинскую проработку вопросов в соответствующих отраслях знаний. Ранее эти функции возлагались на НКВД, теперь их осуществляли наркоматы, государственные учреждения, профсоюзы и кооперация, к ведению которых относилась деятельность того или иного общества. Был введен контроль за общественными организациями «со стороны масс» путем обследования их деятельности рабочими бригадами, а также установки шефства отдельных предприятий над обществами и союзами.

В первой половине 1970-х гг. добровольные организации трактовались как сообщества, созданные гражданами в целях определенного вида деятельности, в процессе которой реализуются законные права, интересы и свободы объединившихся лиц, и обладающее как фактическим, так и формальным организационным единством.

Статья 6 Конституции СССР 1977 г. констатировала, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является «вооруженная марксистско-ленинским учением» КПСС, определяющая генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР и т.д. В соответствии с Конституцией СССР 1977 г. была предложена классификация общественных объединений: профсоюзы, ВЛКСМ пионерская организация, кооперация, добровольные общества и союзы (оборонно-спортивные, научные, научно-технические, культурно-просветительные, социальные), творческие союзы¹⁵.

Период перестройки и конституционных демократических реформ 1985–1990 гг. характерен законодательным закреплением свободы общественной инициативы, создания так называемых низовых объединений в различных формах.

Период становления Российской Федерации 1991–1994 гг. стал поиском общественными объединениями их роли в системе общественных отношений. Для этого процесса типична неопределенность правового статуса общественных отношений и отсутствие механизмов реализации общественными объединениями социально значимых задач. Для этого времени свойственно широкое использование правовых актов, принятых в советский период, попытки устранения законодательных пробелов путем издания ведомственных документов.

Принятые во второй половине 1990-х гг. акты не создали единой модели законодательства о некоммерческих организациях. Общественным объединением стало трактоваться

¹⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 04.11.2018).

добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов¹⁶. К общественным объединениям отнесены законодателем: политические партии, массовые движения, профессиональные союзы, женские, ветеранские организации, организации инвалидов, молодежные и детские организации, научные, технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие объединения граждан. Основное целеполагание: реализация и защита законных прав и свобод, развитие активности и самостоятельности граждан, их участия в управлении государственными и общественными делами; удовлетворения профессиональных и любительских интересов; развитие научного, технического и художественного творчества; участие в благотворительной деятельности; расширение международных связей, укрепление мира и дружбы между народами.

Основными принципами создания таких институтов признаны: добровольность, равноправие их членов (участников), самоуправление, законность и гласность. Государство законодатель трактовал как институт обеспечения соблюдения прав и законных интересов общественных объединений. Законодательно запрещалось вмешательство

государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений, как и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается, кроме случаев, когда это предусмотрено законом. Наблюдается определенная сконцентрированность правовой регламентации отдельных вопросов.

Легитимация посредством регистрации только устава общественного объединения оказалась малоуспешной. При регистрации устава регистрирующий орган должен был отслеживать соответствие законодательству положений, содержащихся в регистрируемом уставе. Законность создания общественного объединения оставалась вне интересов регистратора. Вместе с тем принцип регистрации не уставов, а самих формирований прослеживается в законодательстве Российской Федерации еще в 1991 г.¹⁷

Современное регулирование правового статуса общественных объединений (и некоммерческих организаций в целом) не предусматривает разграничение вопросов хозяйственной и основной деятельности, единую систему классификации негосударственных некоммерческих организаций, единых правил их создания и деятельности, единой системы надзора за законностью деятельности этих формирований.

¹⁶ Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях». Ст. 1–6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/ (дата обращения: 05.06.2018).

¹⁷ Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 (ред. от 03.12.2008) «О местном самоуправлении в Российской Федерации». Ст. 54, 65, 76. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105/

Литература

1. Альбицкий В.Ю. Императорский Московский воспитательный дом как центр охраны здоровья детей в Российской империи (1813–1917 гг.) / В.Ю. Альбицкий и др. М. : Союз педиатров России, 2011. 127 с.
2. Бондина С.И. Законодательство Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов в отношении родителей питомцев в первой половине XIX века / С.И. Бондина // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4–29. С. 45–50.
3. Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность / А.А. Демичев // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.
4. Огороков А.В. Русские добровольцы / А.В. Огороков. М. : Яуза, Эксмо, 2007. 368 с.
5. Повесть временных лет / подгот. текс., пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; доп. М.Б. Свердлова. 2-е изд., исп. и доп. СПб. : Наука, 1996. 668 с.
6. Рычкова М.В. Волонтерское движение студенчества МГУ им. М.В. Ломоносова в 1980-х годах / М.В. Рычкова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 42–45.
7. Сафонова О.Е. Портрет общественника-добровольца эпохи модернизации конца XIX — начала XX в. в российской провинции (на примере Рязанской губернии) / О.Е. Сафонова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 28–35.
8. Туманова А.С. Нормативно-правовые аспекты функционирования общественных организаций в Советской России (1917–1932 гг.) / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 13–25.
9. Шубин Г.В. Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902 гг. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) / Г.В. Шубин. М. : XXI век — Согласие, 2001. 218 с.